

ДЖУЛЛИО СКАРНАЧЧИ, РЕНЦО ТАРАБУЗЗИ

Моя профессия – сеньор из общества

Действующие лица:

Леонида Папагатто – мужчина зрелого возраста, совершеннейшего ума и изысканных манер, полностью соответствующих его редкой профессии – сеньора из общества, глава семьи.

Валерия – миловидная женщина сорока лет, несущая нелегкое бремя матери семейства, не став пока супругой Леониды.

Фьорелла – девушка восемнадцати лет с мягкими, плавными движениями, в которых есть что-то романтическое, дочь Валерии и Леониды – здесь другого мнения быть не может.

Роберто – молодой человек двадцати пяти лет, сын Валерии и Леониды: по ходу действия его родственные отношения с Леонидой ставятся последним под сомнение, что впрочем, никоим образом не оскорбляет честь Валерии.

Матильда – ей около пятидесяти лет, натура по-своему романтическая, причастная к творчеству, а потому – незаурядная. Кроме того, она – сестра Леониды.

Антонио – тридцатилетний мужчина с насмешливым взглядом, внушающий глубокую антипатию Леониде и презрение Валерии (последнее вызвано тем, что он часто заходит к медсестре с третьего этажа), сосед семейства Папагатто.

Витторио – разносчик газет, молодой человек, которому волею случая придется неоднократно бывать в доме Папагатто.

Веллито – вор, по возрасту вставивший свою профессию, ассистент Леониды в весьма деликатных делах.

Дедушка – которому девяносто четыре года, в прошлом адъютант, ныне парализован, сидя в кресле-каталке, здорово смахивает на покойника, а потому не стоит думать о том, как он выглядит лежа. Уже не говорит, но зато поет и плачет, временный родственник Леониды, взятый «напрокат».

Графиня Кьярелли Д`Адда – светская дама, о ней ничего не известно: ведь она из высшего общества. Однажды ее доброе сердце посетило сострадание к «пролетариям»

Барон Альфонсо Кьочча – представитель местной знати, когда желание оказать помощь ближнему своему возникло и у него, вопрос о создании благотворительного общества был практически решен.

Илона Чибор – светская дама, иностранка, хотя это не имеет значения. Она – тоже член благотворительного комитета, но в отличие от других, у нее – масса неприятностей.

Никола Чибор – ее сын, симпатичный, сверхчувствительный юноша, ставший причиной переживаний Илоны. Впрочем, его страдания ничуть не меньше. К счастью, нашлась добрая душа, чтобы его утешить.

Раймондо Чибор – тридцатипятилетний племянник Илоны, кузен Николы и, кроме того, и это важно – его опекун.

Алессандро – слуга в доме Чибор, а появление его в доме Папагатто носит весьма таинственный характер.

Действие происходит в Неаполе в наши дни. Декорация остается одной и той же для всех трех актов.

События происходят в большой комнате квартиры Леониды Папагатто, на самом верхнем этаже многоквартирного дома, затерявшегося в старом квартале города.

Из окна видны крыши соседних домов.

Комната почти в мансарде. Обставлена очень скромно, и вместе с тем, есть в ней что-то примечательное. Люди, населяющие ее, не лишены вкуса.

В глубине налево – деревянная лестница, ведущая на площадку, откуда можно войти в другую комнату: это спальня Леониды и Валерии.

Справа, ближе к авансцене, цветная занавеска скрывает часть комнаты. Когда ее отодвигаешь, виден небольшой «уголок», обставленный скромно и уютно; там стоит диван-кровать, старый граммофон, ивовое кресло и столик, на котором лежат почтовые открытки и краски.

В центре комнаты – стол и стулья.

В глубине, налево, - входная дверь. Когда она открыта, видна дверь в квартиру соседа, Антонио.

Слева – дверь в комнату Матильды.

Справа – другая дверь, очень низкая, она ведет в чулан.

Акт первый

Сцена первая

Занавес поднимается. Сцена освещена слабо: утренний свет проникает через полуотворенные створки окна. В комнате никого нет.

Затем открывается дверь наверху, на площадке появляется Валерия.

Миловидная женщина сорока лет. На ней белая ночная рубашка, выглядит она полусонной, зевает, опускается по лестнице, подходит к занавеске и резким движением открывает «уголок». Видна часть кровати и раскрытые ноги Фьореллы, поскольку кровать для нее мала. Фьорелла просыпается, садится, протирает глаза, наконец, встает. Ей восемнадцать лет, движения у нее мягкие, плавные, в них есть что-то романтическое. Она босиком и тоже в ночной рубашке. Возвращается Валерия. На ней дешевый, но пестрый халатик.

Женщины обнимаются, но равнодушно, не обращая друг на друга никакого внимания.

Фьорелла входит в левую дверь.

Валерия направляется к входной двери (в глубине сцены), открывает ее, выходит на площадку. Привычным жестом стучит в дверь напротив, не дождавшись ответа, возвращается к себе, открывает окно, подходит к буфету.

В это время из своей квартиры выходит на площадку Антонио, тридцатилетний мужчина с насмешливым взглядом. Он входит к Валерии с корзиной для продуктов, ставит ее на пол.

Антонио. Привет!

Валерия отвечает нечленораздельным бормотаньем, даже не взглянув в его сторону. Она достает из буфета несколько тарелок с продуктами, складывает их в корзину, предварительно помечая, что отдает. Антонио, со своей неизменной насмешливой улыбкой на лице, рассматривает ее.

Валерия. Девять бутербродов... Курица заливная целиком...

Антонио (*вполголоса*). Молчишь?

Валерия (*спокойно продолжает*). Ветчина... (*Неожиданно расплывается, чтобы ответить Антонио.*) Свинья! Вот ты кто!

Антонио (*пытается обнять ее. С достаточной долей иронии*). Та-ак! Разозли меня, отругай, выведи из себя!

Валерия (*награждает его пощечиной*). Получай!

Антонио (*подносит руку к щеке*). Ты что?

Валерия. Больно? Тогда сходи на третий этаж! К своей медсестре. Пусть займется. У нее такие мази, что сразу вылечит!

Антонио (*разозлившись*). Вот потеха!

Валерия. Что же ты не смеешься?

Антонио (*громко*). Слушай, долго это будет продолжаться?

Валерия (*тихо*). Не ори, идиот! Фьорелла услышит! (*Продолжает складывать в корзину продукты, громко.*) Семь бутербродов с икрой... десять каштанов в сахаре... бутылка виски...

В левую дверь входит Фьорелла. С мокрым лицом, закрыв глаза, ощупью, она направляется в свой уголок.

Антонио. Здравствую, Фьорелла!

Фьорелла. ...ствуй.

Валерия (*бьет Антонио в бок, поскольку он заглядывается на Фьореллу*). Смотри-ка лучше сюда! Всего двадцать семь названий, заливная курица и бутылка. Леонида хочет за все пять тысяч лир.

Антонио. Ну, знаешь, хорошо, если три дадут. Может, вообще не возьмут. Особенно теперь. Как вспомню эти бутерброды с икрой, начиненные дробью...

Валерия. Вы же знаете, это не наша вина. Пошутить решил граф Эрколани. Ну! Давайте! И если ненароком поранитесь опять, не спешите с медобслуживанием. В конце концов, ведь есть больницы!

Антонио (*направляется к двери. Иронично*). Для любовных ран больниц не существует...

Валерия замахивается на него, Антонио поспешно выходит.

Сцена вторая

Валерия (*смотрит на занавеску, за которой мелькает ночная рубашка Фьореллы, очевидно она одевается*). Фьорелла! Сколько раз можно повторять: когда ты прекратишь слоняться по квартире в ночной рубашке?.. Фьорелла! Ты слышишь меня?

Фьорелла (*из-за занавески*). Да, мама.

Валерия. Так вот, постарайся запомнить. Особенно, когда в доме посторонние.

Фьорелла (*снова из-за занавески*). Прости, пожалуйста, но когда я встала, никого не было... (*Из-за занавески доносятся звуки пластинки.*)

Разносчик газет (*веселый молодой человек. Кричит, как будто объявляет сенсационные заголовки газет.*) Утро доброе! Ваши газеты! Последние новости! Секретарь мэрии застает свою жену с мэром и на цыпочках выходит из комнаты. Служащие добились прибавки к жалованию к зарплате! Вот, сеньора Валерия, получите! Сегодня – три газеты!

Валерия. Три? А что мне с ними делать?

Разносчик газет. Вчера вечером их заказала синьора Матильда. Последние новости! Юный разносчик газет пытается счастья у прекрасной дамы... (*Пытается обнять Валерию, но получает пощечину.*) ... и как всегда получает пощечину! (*Направляется к двери.*) Последние новости! (*Выходит.*)

Валерия (*кричит в левую дверь*). Матильда! Матильда! Газеты принесли...

Голос Матильды. Иду!

Пластинка останавливается. Из-за занавески появляется Фьорелла. Одета она очень скромно.

Фьорелла. Папа еще не встал?

Валерия. А мне откуда знать? Вчера вечером я даже не слышала, когда он вернулся!

Фьорелла. А утром у него нет работы?

Валерия. Понятия не имею.

Фьорелла. Все вы немного злитесь на папу. Но его надо простить... ведь он – поэт... артист... так что...

Валерия. Так что, его надо понять. А я не понимаю, потому что дура. Знаю я эту песенку.

Выходит Матильда. Ей около пятидесяти.

Она – в халате, на голове – бигуди.

Матильда. Где газеты?.. А! *(Подходит к столу, садится, начинает их листать.)*

Фьорелла. Здравствуй, тетушка. Ну, как вчерашняя генеральная?.. Хорошо прошла?

Матильда. Великолепно. Во всяком случае, мне так кажется. Театр был переполнен. И публика такая элегантная.

Валерия. А у тебя лично как прошло?

Матильда *(перелистывая газеты, нашла заинтересовавшую ее статью).* Неплохо... Особенно после второго акта. Посмотрим рецензии. Если не ругают – тогда полный успех.

Принимается за чтение. Валерия зажигает спиртовку и готовит кофе.

Валерия. А после спектакля ты не ходила к Роберто?

Матильда *(рассеяно).* Нет... даже не думала.

Валерия. Кому-то надо сходить. Вдруг ему что-то понадобится. Танцует уже три дня и три ночи!

Фьорелла. Только бы папа не узнал. А то будет нам!

Валерия. Пусть лучше заткнется. Его сын делает деньги. И все тут.

Матильда *(читает).* «Глубоко человеческая драма, в которой удивительное внутреннее богатство героев создает атмосферу, захватывающую зрительный зал с самых первых реплик...»

Фьорелла. Должно быть так прекрасно! Как бы мне хотелось посмотреть! Слушай, тетушка, возьми меня как-нибудь с собой, а?

Матильда. Посмотрим. Спрошу у директора.

Валерия. Ну да! Еще чего! Мало в голове всяких глупостей, так теперь еще и в театр ее своди!

Фьорелла. Мне кажется, я ничего плохого не делаю. Ну, помечтаю немного о жизни, не похожей на нашу. И что? Папа говорит, радость ожидания – это оазис в пустыне жизни...

Валерия. В таком случае, мы все артисты! Все ждем! Твой брат – когда взойдет солнце будущего, а между тем – танцует! Ты сама – когда придет сказочный принц, а пока крутишь пластинку!

Фьорелла. А ты?

Валерия. Я? Подожду еще немного и – гоп!.. Тогда увидите! Я вам покажу! Всем! Одним махом! *(Стук в дверь.)* Стучит... открой дверь... Вдруг появится белокурый паж с любовным посланием.

Фьорелла открывает дверь. На пороге – мальчик посыльный с огромным пакетом.

Посыльный. Синьора, ваша туалетная бумага.

Матильда. А, спасибо, Марчелло!

Посыльный. Здесь двадцать четыре рулона. На неделю хватит?

Валерия. Зачем приносить сюда? Надо было сразу в театр.

Матильда (*разворачивает пакет с рулоном туалетной бумаги*). Да разве можно доверять? Каждый раз не хватает несколько рулонов. А ведь мне дают чаевые. Так что смотреть приходится в оба...

Посыльный. Все на месте?

Матильда (*задумчиво*). Полагаю, да... А критика все-таки положительная... Газеты говорят о большом успехе... Так что принеси еще дюжину!

Посыльный. Будет исполнено, синьора. Закончу обход и вернусь к вам. До скорого!

Матильда. Полагаю, пора одеваться. Сегодня большая уборка в театре. Как бы не опоздать. Фьорелла, взгляни, который теперь час на будильнике.

Фьорелла (*занимавшаяся раскраской почтовых открыток у себя в «уголке»*). Хорошо, тетушка. (*Встает, собирается выйти из комнаты.*)

Валерия. Не торопись. Твой папочка отнес его в ломбард еще вчера.

Матильда. Прелестно! Теперь в этом доме даже времени не узнаешь. Не буду спорить! Я просто законченная дура! Зачем я осталась с вами?! У меня хоть положение есть!

Валерия. Сказала сеньора из сортира.

Матильда. Оставь меня! Это не мешает тому, что в этом доме единственный постоянный доход – мой заработок.

Сцена третья

Голос Леониды (*из комнаты наверху*). Женщины, я проснулся!

Валерия. Возрадуемся, правоверные! К нам спускается Дед Мороз!

Дверь наверху открывается и появляется Леонида, мужчина зрелого возраста и изысканных манер. Одет он в старый поношенный халат, из-под которого виднеются голые икры. На ногах – разношенные домашние туфли.

Леонида (*декламирует с напускной серьезностью*). Я, Леонида Папагатто, проворный, как ящерица и свежий как роза, приветствую зарю этого благословенного дня, который встречает меня готовым, как, впрочем, всегда, к выполнению самых неотложных дел. (Обычным тоном.) Святые женщины, завтрак уже готов?

Фьорелла (*нежно*). Здравствуй, папа!

Леонида (*останавливается на лестнице*). Здравствуй, нежный цветок, распутившийся в этом убогом жилище! Женщины, сегодня ночью я долго размышлял...

Валерия. Похрапывая!

Леонида. Возможно. И все же, похрапывая, я предаюсь глубоким размышлениям и делаю вывод: честь и слава талантливому человеку совершеннейшего ума, способного жить в этой тьме!

Валерия. Будешь дальше не платить за электричество и тогда увидишь, как во тьме будут жить все остальные.

Леонида. Молчи, мещанка! Приготовь-ка лучше завтрак. Не далее как сегодня вы увидите, как искры этого совершеннейшего ума озарят серость вашего существования! (*Подходит к дочери, целует ее.*) Как с живописью?

Фьорелла. Хорошо, папа. Вчера раскрасила четыреста открыток.

Леонида. А это сколько?

Фьорелла. Восемьсот лир.

Леонида. Bravo! Отложи их и никому не давай.

Фьорелла. Не беспокойся, я их еще не получила.

Леонида. Жаль. Мне как раз нужны пятьсот лир. Терпение. А где Роберто?

Валерия. Танцует.

Леонида. Три дня?

Валерия. И три ночи. Участвует в танцевальном марафоне.

Леонида (*злится*). В танцевальном марафоне? Достойное занятие для старшего сына Леониды Папагатто! Можно ли из этого сделать вывод, что он совсем отупел?

Фьорелла. О, папа...

Валерия. Скорее от голода отчаялся.

Леонида. Временное неудобство к танцам не располагает.

Валерия. Еще как! Особенно перед буфетом.

Фьорелла. О, мама...

Леонида. Не слушай, цветочек мой. Эти хореографические дискуссии являются лишь выражением оскорбленной отцовской гордыни. Конечно, поведение сына меня крайне удивляет. А я-то надеялся, что он станет дипломатом!

Валерия. Каким образом? В четырнадцать лет ты забрал его из школы и заставлял мыть машины.

Леонида. Вот именно. Я мечтал. (*Берет со стола газеты, обращается к Матильде*). Что говорят газеты о твоей новой пьесе.

Матильда. Полный триумф! Гасман покорила всех!

Леонида. Суждение чрезмерное, как, впрочем, всегда.

Матильда. Нет, чистая правда: когда он был на сцене, ко мне никто не заходил.

Леонида. Ах, вот как!..

Валерия (*ставит на стол кофе*). Готово. Не ждите, пока остынет.

Матильда. Но мне надо одеться. (*Выходит в левую дверь*.)

Леонида (*сидит, читает газеты и пьет кофе*). А к кофе что?

Валерия (*подает пачку драже*). Драже.

Леонида. Вместо сахара – великолепно, но как закуска...

Валерия. Миндаль внутри...

Леонида. Да, но вчера я принес три кило всякой снеди. Что, уже нет?

Валерия. Я все отдала Антонио, чтобы продал. Без денег ничего не купишь.

Леонида. Могла бы дать драже и оставить пару бутербродов.

Валерия. Кому оно нужно?

Леонида. Ну да. Теперь сиди и махай его в кофе.

Валерия. А нам каково? Месяцами ничего не видим, кроме бутербродов с икрой, паштета, пончиков и слоеного пирога!

Леонида. Готовность семьи идти на жертвы делает вам честь.

Валерия. Оставь свою болтовню для другого случая. Надоело! Да если бы не Антонио, который умеет выручить деньги, грош цена твоей халтуре.

Леонида. Не смей сравнивать меня с этим негодяем без воображения. Только и умеет, что продать добытое моим потом. И потом мне неприятно, что он все время крутится у нас. (*Поднимается по лестнице*.) Который теперь час?

Валерия. Слушай, что у тебя за барские замашки? Будильник заложил в ломбарде и еще время спрашивает!

Леонида (*поднявшись наверх*). «Забудь о времени, - говорит философ, - и ты всегда будешь молодым». Женщины, я иду одеваться! (*входит в спальню*.)

Сцена четвертая

Матильда выходит из левой двери. Она разодета, но босиком.

Матильда (*взволнованно*). Честное слово, у меня предчувствие, что предстоит драма, схожая со вчерашней!

Фьорелла. А что случилось, тетушка?

Матильда. Неожиданно я оказалась в том же положении, что и Графиня Мира во втором акте. У нее украли драгоценности и тем самым помешали ее встрече с Бароном Гоффредо!

Валерия (*с иронией*). Никак драгоценности украли?

Матильда. Нет, туфли. Прекрасную пару туфель. Совершенно новую!.. Кто взял мои туфли?

Валерия. Спроси и Леониды.

Матильда (*ошеломленная*). У Леониды? И туфли – тоже?

Валерия. А что было делать? Его ботинки взял Роберто.

Матильда. А он, значит, мои?

Валерия. Нет. Пришлось отдать их синьоре Ардуино в обмен на пару ее мужа...

Матильда. Довольно. Всякому терпению есть предел! За один этот месяц он взял у меня свитер, ну, тот розовый, потому что схватил насморк, продал мой чемодан, чтобы купить ордена и медали, испортил лифчик – ему, видите ли, не в чем было нести арбузы, а теперь спустил новые туфли! Хватит! С меня довольно! Теперь я поступлю так, как поступила со своим тестем **Графиня** Мира. Она притворяется, что впала в безумие, берет револьвер...

Фьорелла (*с интересом*). И убивает его?

Матильда. Вот этого я не знаю. Приближался антракт, и я спешно вернулась в туалет. И все-таки я проучу старого верблюда

Стук в дверь. Валерия идет открывать.

Фьорелла. Успокойся, тетушка. Ты же знаешь, все это нужно папе для работы.

В дверь, открытую Валерией, входит Антонио с полной корзиной продуктов.

Антонио. Уважаемая синьора Валерия, дела плохи. Цена резко упала.

Валерия. И это значит?

Антонио. ...В «Лангустина ди Капри» курица и бутерброды никого не интересуют. Если даже их возьмут, то мы выручим только три тысячи четыреста лир.

Валерия. Три тысячи четыреста лир?

Матильда. Три тысячи четыреста лир за такой превосходный товар?! Ну и скряги!

Антонио. Ничего не могу поделаться. Оставить или отнести?

Валерия. Совсем хорошо! Мало того, что мне не хватит тысячи лир, так еще и чулки не удастся купить. В который раз! Скажите на милость, как можно жить в семье с одним достатком – нищетой, ее-то занимать не приходится. Ступайте и умрите за эту тысячу!

Матильда. А что мне говорить? Спустили мои новые туфли и я вынуждена идти в развалюхах.

Валерия. Я вообще не могу выйти. Ни одного платья. Да и выйти не с кем.

Антонио. Почему не с кем...

Валерия. Молчите! Свинья!

Антонио. Спокойно! Я же вас не оскорбляю.

Валерия. Можете делать предложения старым обезьянам, к которым частенько наведываетесь.

Антонио. Синьора разнервничалась. Ладно. Ну, так решайте: что будем делать? Мне некогда.

Матильда. Подождите. (*Зовет.*) Леонида! Леонида!

Сцена пятая

Наверху появляется Леонида. Он одет. На нем – крест командира, в глазу – монокль. Манишка, жесткий воротничок: выглядит он элегантно и изысканно.

Леонида. Я же тысячу раз просил не кричать. Что случилось?

Валерия. Антонио говорит, что за весь товар дают только три тысячи четыреста лир.

Леонида (*спускается вниз*). Сколько?

Антонио. Три тысячи четыреста лир, синьор Леонида. Не больше. Я обошел все, что мог.

Леонида. Не будем задерживаться на том, что вы внушаете мне глубокую антипатию, поскольку слишком часто возникает в моем доме. Если я замечу, что вы смотрите на мою дочь, получите в морду. Так вот, - говорю я, - не будем задерживаться на этих личных соображениях. Давайте просто придем к согласию и запоем это. Продать продукты за три тысячи четыреста лир? Да я лучше выброшу их в окно! Сейчас увидите.

Антонио. Э, поступайте, как знаете, синьор Леонида...

Леонида. Сейчас увидите!

Антонио. Увидим?

Леонида (*меняет тон*). А во «Временах года» ты был?

Антонио. Не вышло. У них еще ваши бекасы с прошлой недели.

Леонида. А у «Отца Сальватора»?

Антонио. Его вчера арестовали.

Леонида. А у «Эрколя»?

Антонио. Он в больнице, жена избил.

Валерия. Ну и клиентура...

Леонида. А у Польдо вы были?

Антонио. Он то и предлагает три тысячи четыреста лир.

Леонида. Послушайте, молодой человек, только смотрите мне прямо в глаза. Сколько вы кладете в свой карман?

Антонио. Ни гроша! Я с вами честен и делаю это исключительно из-за привязанности к вашей семье.

Леонида. Минутку! Перед нами удивительный случай психоаналитического свойства. Вы – дурак, хотя в подсознании, возможно, несколько умнее. Так вот, увидев меня в этой одежде в подсознании вы пришли к выводу, что я или великий человек, или еще более дурак, чем вы. А это подтверждает, что и в подсознании вы – полнейший тупица, хотя раньше я в этом не был уверен. Да, я не великий человек, но я и не дурак! Я понятно сказал?

Антонио. Но, синьор Леонида, вам бы следовало благодарить меня. Все-таки три тысячи четыреста лир на дороге не валяются.

Леонида. Так вы еще и оскорбляете меня?

Валерия. Он? По-моему, в течение получаса именно он не выходит у тебя из дураков!

Леонида. Слово «дурак» в применении к нему не может быть оскорблением, поскольку он на самом деле дурак. (*Антонио.*) А вот вы меня оскорбили. Три тысячи четыреста лир! Да простой перечень этих продуктов убедит каждого в смехотворности такой цены. И это наглядно подтверждает, что, по-вашему, все это я украл.

Антонио. Ну, синьор Леонида... об этом не будем...

Леонида. Как это не будем?! Нет, давайте разберемся! В противном случае, вы – не только дурак, но и негодяй! Я зарабатываю потом, который выступает на лбу. А продукты – случайная награда за мою профессию синьора из общества.

Антонио (*с сомнением*). Профессию...

Леонида. Профессию! Да! Профессию! Вы думаете, мне легко! Надо быть настоящим профессионалом, чтобы суметь пристроиться к брачному кортежу, среди незнакомых, чужих людей, заставить гостей жениха считать себя гостем невесты, убедить гостей невесты, что тебя пригласил жених, вести любезные беседы со знатными сеньорами и при этом наполнять снедью внутренние карманы. По правде говоря, надо быть артистом, поскольку речь идет о профессии, требующей одновременно таланта, инициативы и непринужденности. Но это не все! Необходимо обладать знаниями по широкому кругу проблем, в особенности, общими фразами, не важно, о чем, то есть, речь идет о культуре. Я должен держаться на равных с деятелями искусства, политики, науки. И не подумайте, что так просто вести дискуссию о проблемах влияния Ближнего Востока на американскую политику, или рассуждать о существовании положительного нейтрона, рассовывая по карманам бутерброды с икрой и пряча в подкладке пиджака бутылки коньяка.

Антонио. И вы считаете, что это не воровство?

Леонида. Воровство? А кого я обокрал?

Антонио. Тех, кто вас принимает...

Леонида. Нет, сеньор. Все эти бутерброды и бутылки выставлены как раз для гостей, и они просто обязаны не обижать хозяев.

Антонио. По-моему, не совсем прилично пользоваться гостеприимством, чтобы уносить что-либо с собой.

Леонида. Совершенно с вами согласен. Когда приглашают – да! Но меня никто не приглашает. Так, что обвинять в бесчестии надо не меня, а этого троглодита, который дает какие-то три тысячи четыреста лир за два сеанса безупречной работы: на свадьбе и на крестинах. Добавьте к этому общие издержки и представительские расходы.

Антонио. Общие расходы?.. Вы что, компания по сбыту пылесосов?

Леонида. Ну, знаете! А прокат костюма?! Вы ведь за него не платите! А ордена! Что я их, от правительства получил? На все требуются деньги!

Матильда. Вырученные от продажи будильника!

Леонида. Не надо путать. Ты касаешься экономической организации моей внутренней политики. Не буду же я принимать подачки от иностранных держав. К черту шантаж!

Антонио. Так что же будем делать, сеньор Леонида?

Леонида. О! Сейчас же несите эти несчастные три тысячи четыреста лир!

Антонио. Слушаюсь, сеньор Леонида.

Леонида. Ну, я пошел на работу. Фьорелла, трость и перчатки!

Фьорелла. Перчатки белые?

Леонида. Естественно. Иду на свадьбу. Роденгонди и Плонера. Вернусь к одиннадцати.

Антонио. Да, но, сеньор Леонида, вы знаете, который час теперь? Одиннадцать будет до того, как вы наденете перчатки!

Леонида *(ошеломленный)*. Как?! Уже одиннадцать? *(Смотрит на Матильду.)* Бракосочетание состоялось в десять.

Матильда. Что ты на меня смотришь! Что ты на меня смотришь! Можно подумать, будильник спустила я!

Леонида *(с горечью)*. Свадьба, по меньшей мере, на три кило! Ладно... Несомненно, боги хотели избавить меня от беспокойства в этот решающий день!

Валерия. Вы только послушайте. Сегодня - решающий день! Его избавили боги!

Леонида. Молчи, мещанка! Ты все узнаешь в должное время. Придется внести некоторые коррективы в мой светский вид.

Поднимается по лестнице и входит в комнату наверху. Фьорелла снова ставит пластинку, которую мы уже слышали.

Антонио. Ну, ладно. Я вас покидаю.

Валерия. И поживее! И без того потеряла уйму времени на болтовню.

Антонио. Я не хочу вмешиваться в ваши дела, синьора Валерия. Но в связи с чулками позволю себе заметить: если вы не получите их в подарок, то, учитывая честные доходы вашего супруга, боюсь, вам придется и дальше обходиться без чулок.

Валерия. Не ваше дело! Я со своими ногами обойдусь и без чулок.

Антонио (*направляясь к выходу*). Кому вы рассказываете, синьора Валерия, кому вы рассказываете! (*Выходит.*)

Валерия (*с раздражением*). Ах, хватит! Фьорелла, выключи, наконец, проигрыватель.

Фьорелла повинуется.

Сцена шестая

Матильда. Ох уж этот Антонио!. Слишком развязно себя ведет.

Валерия. С кем?

Матильда. Со всеми. И с тобой тоже. Леонида совершенно прав, он от нас почти не выходит. Ты только посмотри, что он себе позволяет с медсестрой с третьего этажа.

Валерия. При чем Антонио, если она сама за ним бегаёт? «Антонио здесь, Антонио там...» Без конца. И все норовит затащить к себе.

Матильда. Согласна. Но он тоже хорош.

Валерия. Неужели ты думаешь, что ему нужна эта старая перечница?

Матильда. Старая перечница? А сколько ей лет?

Валерия. Не знаю. Такая как ты.

Матильда возмущена, но в то же время, когда Валерия отвечала, дверь открылась, и в комнату вкатилось кресло-каталка с дедом Симеоном, впавшим в детство стариком. Одет он бедно, на голове берсальерская шляпа с пером. Каталку толкает Веллито, вор пятидесяти лет, оставивший свое ремесло и ушедший на покой.

Веллито. Привет честной кампании! Вот – дедушка!

Валерия. Чей дедушка?

Веллито. Вот этого я не знаю.

Матильда. Как? Говорите: вот дедушка, и не знаете, чей?

Веллито. А откуда мне знать? Вчера его заказал сеньор Леонида. На одиннадцать часов. Так что, он перед вами.

Матильда. Дедушки нам только не хватало!

Валерия. Леонида! Леонида!

Сцена седьмая

Наверху появляется Леонида. Он сменил костюм, снял ордена.

Леонида. Здравствуй, Веллито!

Валерия. Что за история с дедушкой?

Леонида. Женщины, без суеты! Он – часть превосходно отработанного плана.

Веллито. Привет сеньор Леонида! (*Указывает на деда.*) Надеюсь, это вам подойдет...

Леонида (*осматривая деда взглядом знатока*). Вот это?

Веллутто. Как видите, синьор Леонида. Вы позволите? (*Представляет.*) Дед Симеоне. Адъютант в отставке.

Леонида. Рад знакомству, адъютант.

Веллутто. Девяносто четыре года! Артрит, диабет, атеросклероз, к тому же он совершенно впал в детство.

Леонида. Прекрасно. (Дед начинает петь военную песню.)

Валерия. Что это за махинация? Надеюсь, ты не собираешься оставить деда у нас?

Матильда (с иронией). Почему бы нет? Что у нас, едоков много, что ли? Одним больше, одним меньше...

Леонида. Цыц! Будете говорить, когда я попрошу. Понятно? (Смотрит на деда.) Он всегда поет?

Веллутто. Нет, что вы!.. Достаточно положить в рот жевательную резинку – и он смолкает. (Дает деду жевательную резинку и тот сразу же прекращает петь, посасывая резинку). Вот, видите?.. Ну как, вы удовлетворены?

Леонида. Э! Почти. По правде говоря, мне бы хотелось, чтобы он больше походил на скелета, знаешь, что бы был доходягой...

Веллутто. Да что вы, сеньор Леонида! Диабет, атеросклероз, артрит... Подумайте только: а то ведь окочуриться может.

Леонида. Идеальный вариант. Надежды, правда, мало.

Веллутто. Так он вам подходит или нет?

Леонида. Подходит. Только без этой шляпы. Она мне не нравится.

Веллутто. В ней-то вся и прелесть!

Леонида. Возможно. Но я не могу играть на чувстве патриотизма. Снимите с него этот аксессуар!

Хочет сам снять с деда «военный аксессуар».

Веллутто. Не надо! Ради Бога! А то он заплачет!

Леонида. Заплачет?

Веллутто. Смотрите... (Снимает с него шляпу, и тот начинает плакать. Веллутто возвращает шляпу на место, и дед смолкает.) Видели?

Леонида. Так он плачет даже с жевательной резинкой?

Веллутто. Не поет, но плачет.

Леонида. А без резинки?

Веллутто. И плачет, и поет.

Леонида. Вот это да! Ладно, беру! Сколько?

Валерия. Можно подумать, что я в сумасшедшем доме. Теперь он хочет купить дедушку! Кончено! Я ухожу!

Леонида. Нет, ты останешься! И дедушка – тоже, и не только он, но прадедушка, и даже прапрадедушка, если будет надо!

Фьорелла. Прости меня, папа, но ты уверен, что наша квартира подойдет для такого старого синьора?

Леонида. Да нет, Фьорелла, нет. Дедушка у нас ненадолго. Я взял его напрокат. Только на четыре часа.

Матильда (с удивлением). Как это напрокат?

Валерия (с удивлением). Напрокат?

Леонида. Напрокат. Внаем. Ясно? (*Веллутто.*) Так сколько же, Веллутто?

Веллутто. 300 лир в час. Но за четыре часа хватит и тыщонки.

Леонида. Тыщонки?... Грабеж! Он что, Джоконда?

Веллутто. Но позвольте, синьор Леонида, а транспорт... жвачка... все это...

Леонида. Ладно. Хорошо. Что предпочитаете: оплата наличными в субботу или драже сию минуту?

Веллутто. Наличными сию минуту.

Леонида. Сожалею, но сегодня ликвида не будет.

Веллутто. Хорошо. Тогда до субботы. Я вам верю, как евангелию. *(Собирается выйти.)* Да, вот еще что, сеньор Леонида. *(Указывает на деда.)* Обратите внимание, он очень хрупкий. *(Выходит.)*

Сцена восьмая

Валерия. Ну, теперь ты соизволишь объяснить свою гениальную операцию?

Леонида. Итак, слушайте меня внимательно, поскольку, к сожалению, мне будет необходимо ваше сотрудничество. Все должно быть исполнено методично. Дисциплина – строжайшая.

Валерия. Ради нескольких грошей?

Леонида. Не нескольких, а двадцать-тридцать тысяч.

Валерия. Тридцать тысяч чего?

Леонида. Тридцать тысяч лир.

Матильда *(с интересом)*. Тридцать тысяч лир?

Валерия *(с недоверием)*. Тридцать тысяч лир?

Фьорелла *(с восхищением)*. Тридцать тысяч лир!

Леонида *(небрежно)*. Тридцать тысяч лир... И цифра эта, синьора, весьма приблизительная! Дело может принести гораздо больше, если, конечно, вы сумеете вести себя как надо. Так вот, вчера, выполняя свои обязанности гостя на крестинах первенца графа Кьярелли д'Адда, я имел честь любезно побеседовать с некоторыми членами этой уважаемой семьи. Как раз перед буфетом, в радостной обстановке, когда все по очереди выражали поздравления и пожелания счастья, я почувствовал, что тоже хочу выступить, и произнес замечательную речь, которая завершилась следующими словами... *(Дедушка неожиданно начинает петь.)* О! Дедушка... Успокойтесь.

Фьорелла. Уверена, у него кончилась жвачка...

Леонида. Весьма справедливо.

Подходит к деду, и дает ему новый пластик жевательной резинки.

Дед прекращает петь и принимается за жвачку.

Жетон обычно опускаешь в автомат, чтобы послушать музыку. А с дедом – наоборот. Отсюда следует, что на деле одни и те же обстоятельства не всегда приводят к одинаковым результатам. На чем я остановился?

Валерия. На своем выступлении.

Леонида. Ах, да. Так вот, я поднял хрустальный бокал и сказал: «Вспомним, синьоры, что в этом мире можно познать величайшую из человеческих радостей, щедро поделившись счастьем, которое ныне окрыляет нас, со своими ближними. Вот почему, отмечая счастливое событие, собравшее нас здесь, я предлагаю в память о нем создать благотворительный комитет, который облегчит страдания бедствующих, осветит улыбкой их нужду и горе!»

Валерия. Вот это находка! И вы создали комитет?

Леонида. Да, сеньора.

Матильда. И ты в нем участвуешь?

Леонида. Естественно. Ведь я - основатель.

Валерия. Ты для них – большое приобретение. *(Смеется.)* Нашли Рокфеллера! *(Смеется еще сильнее.)*

Валерия. Не надо смеяться. Имя Рокфеллера ничуть не хуже моего.

Матильда. Но, Леонида, разве тебе не хватает нищеты, в собственном доме? Зачем тебе впутываться в это дело?

Леонида *(нравоучительно)*. Самый ценный вклад вносит тот, кто владеет самым малым.

Валерия. И что же ты дал?

Леонида. Идею! Идею создать благотворительный комитет. И кроме того, я сразу же сообщил комитету об одной несчастной семье, пребывающей в ужасающей нужде.

Валерия. Bravo! И что же это за семья?

Леонида. Наша.

Все. Наша?!

Леонида. Ваша. Наша. Словом, ваша-наша... да... Что вы на меня уставились?

Валерия. Ну что ж, пожалуй, на этот раз идея не так уж плоха.

Леонида. Плоха! Она просто гениальна, как, впрочем, все идеи Леониды Папагатто. Увидите, придет комитет, и все пойдет как по маслу.

Матильда. Как? Комитет придет сюда?

Леонида. Разумеется. Надо же нам собственными глазами увидеть нищенские условия, в которых вы влачите свое существование. И когда сердца наши разжалобятся, мы сделаем все возможное, чтобы осветить благодарной улыбкой ваши изможденные, обезображенные лица.

Валерия. Ну, это ты брось! Сам ты обезображенный! А у меня лицо красивое и даже очень.

Леонида. Однако это не помешает тому, чтобы оно стало изнеможенным и обезображенным. С минуты на минуту комитет будет здесь.

Фьорелла. Но папа... Они могут увидеть тебя.

Леонида. И даже должны. Я же основатель и пришел заранее. И так, женщины, не теряйте времени!

Валерия. А что нам делать?

Леонида (*приказывает*). Сделайте что-нибудь со своими лицами. Они должны вызывать жалость! Сорвите эту занавеску! Уберите картину! Спрячьте проигрыватель!... Кровать – ближе к середине! Быстрее! А то застанут врасплох. Они быстро выполняют всю программу, предложенную Леонидой. Фьорелла прячет проигрыватель. Валерия убирает картину. Леонида срывает занавеску. Матильда передвигает кровать.

Матильда. Ну как, койка на месте?

Леонида. Пока – да, потом посмотрим. (*Валерии.*) Убери занавеску и тащи просиженное кресло!

Валерия и Фьорелла повинуются, притаскивая из-под лестницы старое, просиженное кресло. Он осматривает комнату взглядом художника.

Та-а-ак.. Пейзаж начинает вырисовываться... Теперь мне нужен больной... Матильда – в кровать.

Матильда. Я?! Мне пора в театр. У нас уборка!

Леонида. Сегодня театр – здесь!

Матильда. Ну, знаешь! В этом доме только у меня постоянный доход... положение...

Леонида (*перебивая ее*). Сегодня утром положение у тебя будет лежа. Так что в кровать! На полчаса и все! (*Матильда ложиться в кровать, ворчит.*) Ты, Валерия, сядь за стол, голову обхвати руками, и взгляд... в нем должно быть отчаяние.

Валерия (*повинуется*). Так?

Леонида. Больше отчаянья!

Валерия. Больше?

Леонида. Ну да, во взгляде... Послушай, ты вся в слезах, понимаешь? Почему слезы в одном глазу? А второй? Так. Сейчас же прекрати улыбаться! Я сказал: изможденное лицо. Ты что, не понимаешь? Вытри косметику, растрепи немного волосы. Фьорелла, посыпь тальком лицо своей тетушки. Она совсем не похожа на

доходягу. *(Фьорелла повинуется.)* Теперь дедушка... куда же пристроить эту старую развалину? *(Передвигает кресло-каталку.)* Здесь... нет... *(Еще передвигает.)* Около кровати... так лучше. Умиряющая дочь, отец паралитик! Ансамбль великолепен!

Звонок в дверь. Все от неожиданности подсакивают.

Матильда. О Боже!

Леонида. Все по местам! Ни слова! Говорю только я! Если у вас что-то спросят, плачьте.

Фьорелла. Папа, а мне что делать?

Леонида. Ступай в мою комнату и не выходи, пока я тебя не позову!

Фьорелла быстро поднимается по лестнице, выходит в комнату наверху.

Леонида осматривается, опрокидывает стул, бросает на пол несколько тряпок, приоткрывает окно, поправляет отдельные детали, затем принимает вид посетителя, подает Валерии знак.

Валерия *(слабым, болезненным голосом)*. Войдите!

Сцена девятая

Дверь открывается, на пороге появляется мальчик-посыльный с пакетом туалетной бумаги для Матильды. Он ошеломленно смотрит на картину, представшую его взору.

Посыльный. Простите, я, кажется, ошибся этажом...

Собирается выйти. Все тут же покидают занятые места.

Валерия. Как это ошибся?! Идиот! Клади бумагу и мотай отсюда! Быстро!

Посыльный *(ничего не понимая)*. Синьора Валерия, что это с вами?

Леонида. Не твое дело. Отстань! *(Берет у него пакет.)*

Посыльный. Синьор Леонида, кто это у вас заболел?

Леонида *(с пакетом в руках)*. Не имеет значения. Проваливай, малый...

Графиня *(появляется на пороге за спиной посыльного)*. Вы позволите?

Леонида *(подсакивает)*. Ах! *(вполголоса.)* Она! По местам! По местам, говорю! Все возвращаются на свои места. Посыльный еще более ошарашен.

О, Графиня, входите же, прошу вас...

Входят еще графиня Кьярелли д.Адда, аристократическая дама пятидесяти лет, затем синьора Илона Чибор, знатная иностранка сорока лет, и, наконец, барон Альфонсо Кьочча с огромным свертком.

Графиня *(входя, приветствует Леониду)*. Любезный друг...

Илона. Здравствуйте...

Барон. Добрый день, милый друг...

Леонида, светский человек, целует ручку дамам и в то же время незаметно для них выталкивает за дверь посыльного, который выходит, ничего не понимая.

Леонида. Как вы себя чувствуете, Графиня? *(Илоне.)* Уважаемая сеньора...

Графиня. А вы, полковник, пришли раньше нас...

Леонида. Разница в нескольких минутах, Графиня... И с болью смотрю на прискорбные условия, в которых живут эти бедняги...

Илона *(указывает на пакет, который держит в руках Леонида и в котором, как мы знаем, упакованы рулоны туалетной бумаги)*. Вижу, что и вы, полковник, принесли что-то от себя... Что это?

Леонида. О, пустяк... мелочь, в которой иногда могут нуждаться эти несчастные... *(Кладет пакет на стол, указывает на скамью.)* Умиряющая дочь, отец паралитик, отчаявшаяся жена...

Графиня. Какая жалость!

Илона. Болеть в нищете – это ужасно!

Барон. Вот видите! Я не был прав, что захватил не одежду и не продукты!

Леонида. А что же вы принесли?

Барон. Витаминизированные лекарства.

Леонида (*разочаровано*). А! Превосходная идея... Вместо продуктов...

Барон. Медикаменты!

Графиня. Это будет им полезно.

Леонида. Могу представить, как они обрадуются.

Илона (*подходит к Валерии, указывает на Матильду*). Бедняжка, что с ней?

Валерия смотрит на Илону, начинает плакать.

Леонида (*вмешивается*). Лучше не спрашивать. Как говорит добрый самаритянин: «Дай и ни о чем не спрашивай». Вопросы для них унизительны. Верно, Графиня?

Графиня. Вообще-то неплохо узнать, чем она болеет. Если мы хотим ей помочь...

Барон. Для ее же блага!

Илона (*Матильде*). Что у вас болит?

Матильда смотрит на Илону, начинает плакать.

Леонида. Боюсь, если она заговорит, ей станет хуже.

Между тем, Барон проявляет интерес к дедушке, подходит к нему, снимает с него шляпу. Дедушка начинает плакать.

Барон. Да здесь все плачут!

Леонида. Извините меня, Барон, но вы принесли им только лекарства и хотите, чтобы они веселились. (*Надевает на голову дедушке шляпу и тот прекращает плакать.*)

Графиня (*Валерии*). Скажите, дитя мое, вы – замужем?

Валерия тут же начинает рыдать, смотрит на Леониду. Тот делает ей знак, и она сквозь слезы отвечает.

Валерия (*рыдает*). Да....

Графиня. Ну, не надо так волноваться. Мы пришли помочь вам... а ваш муж работает?

Валерия смотрит на Леониду, плачет еще пуще.

Леонида. Если бы он работал!... Мне говорили, что он – лентяй и кроме того – пьяница! Как выпьет, так бьет жену. Посмотрите, до чего он довел это бедное создание! Какая безутешность! Какая скорбь!

Дедушка неожиданно начинает петь свою обычную военную песню.

Валерия постепенно прекращает плакать.

Барон. Он – старый солдат?

Леонида. Он впал в детство. Жертва нервного потрясения на фронте в последнюю войну.

Барон. В последнюю? Но ему, по крайней мере, лет девяносто.

Леонида. Это он выглядит на девяносто. Превратился в жалкую развалину... Но этому мужчине, сидящему пред вами, не более шестидесяти... Нервное потрясение и нищета – вот вам все объяснение его немощи... взгляните! (*Кладет в рот старику жевательную резинку и тот сразу смолкает.*) Так что же будем делать?

Графиня. Предлагаю вначале осмотреть квартиру, чтобы составить представление о санитарных условиях жизни этих пролетариев...

Илона. Вполне разумно! (*Валерии.*) Вы позволите?

Валерия не раздумывая, начинает плакать.

Барон. Бедняги, им так невесело!

Леонида (*открывает правую дверь*). Комната старого отца.

Графиня (*наклоняется, чтобы взглянуть*). Да это – чулан!

Илона (*тем же тоном*). Кровати даже нет!

Леонида. Он парализован, так что сидит все время в кресле.

Илона (с другой стороны) А здесь что?

Леонида. А! Не знаю...

Графиня. Давайте посмотрим.

Леонида. Если вы считаете, что это необходимо, прошу вас.

Леонида пропускает их впереди себя в левую дверь и следует за ними, бросив на семью взгляд заговорщика. Как только все выходят, Валерия и Матильда принимают естественное положение.

Сцена десятая

Матильда (сидит на кровати). С меня этой комедии довольно! Можно подумать, третий акт «Дамы с камелиями».

Валерия. Можешь и потерпеть, Матильда... Самое страшное уже позади. Теперь дело за Леонидой. Только подумай – тридцать тысяч лир!

Матильда. Тридцать тысяч лир!

Вновь вытягивается на кровати, жалобно причитая. Дверь открывается, входит Антонио.

Антонио (останавливается, повернутый в изумление). О... что случилось? Синьора Валерия, вам нехорошо?

Матильда. Тааак! Вот кого нам явно не хватало!

Валерия (беспокойно встает). Уходите, Антонио, сейчас не время...

Антонио (подпрыгивает, увидев деда). А это что за клиент?

Валерия. Я же вам говорю : у нас дела, ступайте!

Антонио. Уверен, речь идет о новой проделке синьора Леониды. Почерк чувствуется...

Матильда. Не ваше дело. К нам пришли.

Валерия. Леонида там, с гостями.

Антонио. А три тысячи четыреста лир вас не интересуют?... Понятно, от гостей вы получите больше...

Валерия. Совершенно верно. Если, конечно, вы не провалите все дело!

Антонио. А! Синьор Леонида нашел простофиль и хочет их околпачить?

Валерия. Негодяй! Вот ты кто! Мерзавец!

Дает ему пощечину. Как раз в этот момент входит графиня и Илона, за ними – остальные. Женщины, увидев пощечину, останавливаются, как вкопанные.

Валерия замечает вошедших и пытается исправить положение слезами.

Графиня. О! Видели, Илона! Она ударила его!

Илона. О Боже, Уверена, это ее муж.

Матильда и Валерия заняли свои места, растеряно хлопая глазами. Последним выходит ничего не видевший Леонида.

Леонида (с беспокойством). Что происходит?

Барон. Вернулся муж, и жена ударила его...

Леонида. Муж? Какой муж?

Барон. Вот этот... Разве он не муж?

Леонида (оценивая положение). Ах этот... Да! Да!... Да!!! Конечно, муж... Я же говорил, - ужасный человек, бездельник, грубиян. (Антонио.) Подойдите сюда, молодой человек! Вы только посмотрите, на какую нищету вы обрекли свою семью!

Антонио. Мою семью?

Леонида. Не мою же! Будет лучше, если вы раз и навсегда оставите этот дом. Хватит пьянствовать, а потом приходите сюда и избивать эту несчастную женщину!

Графиня. По правде, полковник, ударила его она...

Леонида. Вот именно!

Графиня. Как – «вот именно»? Вы же говорите, что он бьет ее...

Леонида. Когда пьян... а когда трезв, то бьет его она и правильно делает. (*Антонио.*) Так что проваливайте отсюда!

Антонио, поняв положение, собирается выйти.

Илона (*останавливает его*). Подождите, пожалуйста. (*Антонио останавливается. Илона обращается к Леониде.*) Нельзя же так! Вы вносите в супружескую жизнь размолвку. А ведь наша задача заключается в том, чтобы оказать этой семье не только материальную помощь, но и внести в их сердца спокойствие!

Леонида. Благородная миссия, синьора Чибор, но в отношении этого типа она неосуществима.

Илона. Добро никогда не остается безответным.

Графиня (*Антонио*). Синьор, пожалуйста, извинитесь перед супругой...

Антонио (*чувствуя себя неловко*). Но... я, синьора... право.

Графиня. Прошу вас, поцелуйтесь, и да будет мир!

Леонида. И минуточку! Минуточку... Как это – поцелуйтесь... Сейчас не время,

Графиня... Перед этой бедняжкой которая мучится в агонии...

Илона. Она первая возрадуется, отправляясь на небеса, оставить на земле гармонию и любовь...

Матильда втайне от всех отгоняет от себя нечистую силу.

Графиня. Ну, поцелуйтесь!

Антонио (*Леониде*). Сеньор, что будем делать?

Леонида (*со злобой*). Как что?

Антонио. Я имею в виду... Так вы позволите?

Барон. Черт возьми! Полковник с нетерпением ждет вашего примирения. Ведь так, полковник?

Леонида. Ах, чтоб тебя!

Антонио. Так что?

Леонида. Ну, ладно, целуйтесь, целуйтесь...

Антонио подходит к Валерии, целует ее.

Леонида (*живо, т.к. торопится прервать поцелуй*). Хватит! Достаточно! (*Остальным.*) Дорогие друзья! Время идет. У меня другие неотложные дела. И я не могу здесь дольше оставаться...

Илона. И то правда. Поздно уже. Как летит время, когда делаешь людям добро!

Леонида. Да, но добро нам еще предстоит сделать. Лекарства и благие пожелания – это пока все... Перейдем непосредственно к цели нашего посещения.

Илона. Да, да! Конечно!

Леонида. Наш комитет собрался для того, чтобы определить размер помощи. Не так ли?

Графиня. Мы в вашем распоряжении.

Леонида. Давайте отойдем немного в сторону.

Члены комитета отходят в сторону.

Антонио (*Леониде*). Сеньор, если мы с женой мешаем вам, то мы можем уйти в свою комнату...

Леонида (*подсказывает*). Ну нет! Оба – ни шагу отсюда. И нечего разыгрывать комедию нежности! Нам прекрасно известно, что вы лицемерите, понятно?

Барон. Ну, полковник? Так что же будем делать?

Леонида. Как это – что? Мы делаем добро. Словом – деньги!...

Графиня. Конечно. Что же вы предлагаете?

Леонида. Я?... Пятьдесят тысяч лир...

Матильда и Валерия закашливаются.

Илона. Очень хорошо. Ваша личная щедрость доставляет мне огромное удовольствие. По-моему, этого достаточно. Вы не находите?

Графиня. О да! Это позволит нам сохранить средства для другой семьи...

Леонида (*страстно*). Нет, нет! Вы не так поняли... Я хотел сказать, что оставил пятьдесят тысяч лир дома. Так что наличных у меня нет. Но со своей стороны я выдам чек.

Илона. Вот и чудесно!

Леонида (*несколько смущен, т.к. боится завысить сумму*). Вы хотите сказать, что ста тысяч будет достаточно?

Все трое. Что, что?

Леонида (*закашлялся*). Я хотел сказать, что вы хотите сказать, скажем, сто тысяч, как если бы сказать, так сказать: помощь в сто тысяч лир. Что вы на это скажете?

Графиня. Полковник, вы – необычайно щедры, но мне кажется, всему есть своя мера.

Леонида. Скажем, девяносто пять тысяч...

Барон. Много, много...

Леонида. Девяносто четыре?

Барон. Много, много...

Леонида. О! Нельзя же так трястись за свои кошельки!

Графиня. Полковник, дело не в скупости и не в боязни. Подумайте об элементарной осторожности. Если мы даем такую сумму сразу, от этого будет больше зла, чем добра.

Леонида. Не будем же мы заниматься благотворительностью в рассрочку!

Илона. Я полагаю, пятидесяти тысяч лир будет вполне достаточно.

Леонида. Хорошо. Скажем, шестьдесят и на этом покончим.

Графиня. Прекрасно. Я согласна.

Илона. Что ж. Тогда я – тоже.

Леонида. В таком случае, каждый даст по пятнадцать тысяч лир.

Барон. Если позволите, у меня несколько иное положение.

Леонида. И что это за положение?

Барон. Ну, другое. Я принес лекарства. Так что, мой взнос составит пять тысяч лир... Вы знаете порядок...

Леонида. Ах да, порядок! Лично я выдам чек на двадцать пять тысяч лир...

Графиня, барон и Илона кладут банкноты в конверт и собираются передать его Антонио.

Леонида (*перехватывает руку Илоны*). Подождите! Что вы делаете? Собираетесь отдать деньги этому пьянице!... Позвольте, я сам займусь. (*Берет конверт, кладет его в карман*). Я выпишу чек на общую сумму в шестьдесят тысяч лир на имя этой несчастной женщины. А наличные оставлю у себя... Это более удобно, поскольку свои я забыл дома. (*Подходит к Валерии*). Сеньора, как вас зовут?

Валерия. Валерия.

Леонида (*записывает в чековой книжке, которую он достал из кармана*). Сеньора Валерия Папагатто...

Неожиданно дверь открывается и на пороге появляется Никола, сын Илоны Чибор. Он в страшном смятении, застывает на месте, оглядывает всех.

Сцена одиннадцатая

Никола (*подбегает к матери*). Мама! Мама!

Илона (*испуганно*). Николетто! О Боже! Что случилось!

Никола (*бросается в объятия матери*). Мама, я убил его. Я его убил?

Илона (*еще более испуганно*). Да что ты говоришь? Что ты говоришь?

Никола (*в отчаянии*). Мама, я его убил! Я убил Алессандро!

В слезах бросается на стул

Илона (*в оцепенении*). Алессандро? (*Подносит руку к сердцу.*) Боже мой! Боже мой! Сжался надо мной! Умоляю!

Леонида (*падает ей стул*). Присядьте, сеньора, прошу вас...

Илона (*садится*). Зачем, зачем ты сделал это?

Никола в полном отчаянии закрывает лицо руками, молчит. На пороге появляется Раймондо Чибор, мужчина тридцати пяти лет, со светскими манерами. Он тоже взволнован.

Раймондо. Тетушка, я – здесь. Вот я!

Илона (*увидев Раймондо*). Раймондо! Раймондо, что с Николой?

Раймондо (*подходит к Илоне*). Ах, тетушка, произошла ужасная вещь!..

Илона. Умоляю, объясни!

Раймондо. Это – судьба, тетушка. Николетто думал, что мой револьвер не заряжен, и выстрелил в дверь, за которой стоял Алессандро.

Общее возбуждение.

Илона. И Алессандро умер?

Раймондо. Да!

Илона. О Боже! Николетто! Его теперь арестуют!.. Моего Николетто ждет тюрьма!

Падает в обморок.

Графиня. Обморок!.. Скорее соли!

Барон (*торопливо*). У меня в пакете есть камфара!

В то время, как все другие окружили Илону, графиня берет сверток с туалетной бумагой, полагая, что там лекарства барона, начинает его разворачивать.

Леонида (*Раймондо*). Вы позволите? Я – основатель комитета. Могу ли быть полезным?

Раймондо. Благодарю, вы очень любезны... к несчастью такой удар судьбы... Надо незамедлительно увести Николу...

Леонида. А этот Алессандро, он действительно умер?

Раймондо. Пуля попала в самое сердце!

Леонида (*потрясен*). В самое сердце!.. Ужасно... Он ваш родственник?

Раймондо. Алессандро? Нет, слуга.

Леонида. Ах, так... (*меняет тон.*) Весьма прискорбно. Такие случаи всегда прискорбны.

Графиня (*показывает Барону рулон туалетной бумаги*). Вы меня извините, барон, но разве это – лекарство?

Барон. Да что вы?! Мой пакет – там... А это – пакет полковника.

Он берет пакет с туалетной бумагой, а Графиня направляется за другим. Он подходит к полковнику, показывает на рулон.

Вы, конечно, извините меня, полковник, но я хотел бы знать.

Леонида (*видит рулон, перебивает его*). На лестнице слева, несколько ступенек вниз... (*Раймондо*). Умер! Алессандро умер!

Барон. Извините, полковник...

Леонида (*опять перебивает его*). Барон, теперь не время! Пожалуйста, вы уж сами найдете...

Илона (*приходит в себя*). Боже мой! Николетто!...

Никола. Мама... теперь меня посадят в тюрьму!

Раймондо. Успокойтесь! Его надо спрятать! Его надо укрыть! А потом мы все устроим.

Илона. Да, верно. Его надо укрыть! Его надо укрыть!

Раймондо. Этим-то мы и займемся, тетушка. Нам пора! Никола, пошли!

Леонида. По правде говоря, будет лучше, если мы все уйдем. Все-таки, чужой дом, и здесь больные...

Графиня (*поддерживает Илону*). У вас хватит сил спуститься вниз? Бедняжка вы моя!

Илона (*с трудом поднимается*). Да, да... его сейчас же надо укрыть... Но где?

Раймондо. О, тетушка, это нетрудно... Вопрос денег... А место мы найдем...

Барон и графиня направляются к входу, поддерживая Илону.

Раймондо пытается поднять со стула Николу.

Леонида (*услышав слово «деньги», неожиданно заволновался*). Минуточку! Подождите, прошу вас! (*Все останавливаются.*) Сеньора Чибор, вы хотите спрятать сына?

Илона. Конечно! И немедленно!

Леонида. Тогда оставьте его здесь.

Илона. Как?

Леонида. Оставьте его здесь. Во всем городе не найдешь лучшего убежища. Кто додумается искать вашего сына – достойного отпрыска уважаемой семьи – в этом убогом жилище, среди этих несчастных людей. И еще одно преимущество: вам не надо будет выходить с бедняжкой Николой на улицу, где его могут арестовать прежде, чем вы спрячете его.

Раймондо. Да нет, что вы! Не будем терять времени... пошли!

Илона. А мне кажется – идея неплохая.

Графиня. Мне – тоже. По-моему, превосходное решение.

Никола. Да... Оставьте меня здесь... не уводите меня... я боюсь выйти...

Раймондо. Не будь ребенком! Я не могу допустить, чтобы ты оставался здесь!

Илона (*решительно*). Прости, Раймондо, но я полагаю, в настоящее время это – лучший вариант. Потом – увидим.

Раймондо. Неслыханная глупость!.. Впрочем, поступайте, как знаете!

Илона (*Леониде*). Спасибо, полковник! Я никогда не забуду, что вы для меня сделали.

Леонида. Пустяки. И, потом, не я. Услугу оказывают вам эти несчастные.. Их надо будет щедро отблагодарить, поскольку они того заслуживают...

Илона. Конечно! Конечно!

Леонида. Успокойтесь. Я сам всем займусь.

Барон (*Илоне*). Дорогая, так мы оставляем вас... Я представляю, как вам хочется побыть с Николой вдвоем...

Илона. Спасибо... спасибо... друг...

Графиня. До свиданья, дорогая. Увидите, все устроится.

Илона. Спасибо, дорогая, спасибо.

Графиня и Барон выходят. Илона подходит к Николу, но замечает, что Леонида остался.

Спасибо вам, полковник. (*Протягивает руку для поцелуя.*) До свиданья.

Леонида. Да, но я... по правде говоря... мне надо остаться.

Раймондо (*сухо*). Не беспокойтесь, полковник... Вы и так сделали больше, чем надо. Мы вас больше не задерживаем...

Леонида. Но мне надо определить компенсацию этим несчастным. Они отвергнуты всеми... и так одиноки. Если я уйду, что будет с ними?

Раймондо. Извините, полковник, но не кажется ли вам, что у Николы еще не совсем прошел нервный шок?

Леонида. Но я...

Раймондо. Неужели вы хотите, чтобы я закончил мою мысль. Извольте. Ступайте прочь. Вы ведь не у себя дома.

Леонида. Да, но как основатель комитета...

Раймондо (Антонио). Господин Папагатто, попросите полковника покинуть вашу квартиру.

Антонио (в замешательстве). Как? Ах да... да... да... *(Леониде, указывая на дверь.)* Полковник, мы весьма благодарны вам, а теперь извините... оставьте нас... нам необходимо остаться без посторонних... своей семьей...

Леонида (смотрит на Антонио с нарастающим гневом). Хорошо. Вы имеете полное право остаться со своей семьей. Ладно, ухожу.

Леонида берет шляпу и направляется к двери. В этот момент неожиданно начинает петь свою военную песню дедушка.

Валерия (Леониде). Полковник... жевательную резинку...

Леонида. Ах, да! ... жевательную резинку... *(Достает из кармана жевательную резинку).* Теперь моя очередь пожевать...

Кладет резинку себе в рот, начинает жевать. Одновременно снимает с головы деда военную шляпу и тот начинает плакать, не забывая при этом петь.

Леонида выходит.

Занавес

Акт второй

Декорация та же

Сцена первая

Декорация, которую убрали, готовясь к встрече благотворительного комитета, восстановлена.

Поздний вечер.

Занавес поднимается

На сцене – Фьорелла и Никола. Никола – ему двадцать – сидит на кровати в «уголке» Фьореллы. Фьорелла держится застенчиво, она ушла куда-то в свои мечты, еще не совсем оправившись от волнения из-за случившегося с Николой. Фьорелла переносит свои личные вещи из «уголка» в комнату Матильды. Весь диалог происходит при постоянном хождении Фьореллы из одной комнаты в другую.

Фьорелла (достает несколько женских вещей из небольшого шкафа). Видите? Я сейчас закончу: это все мои вещи... *(Никола смотрит рассеянно, вид у него отсутствующий.)* Ну, не надо отчаиваться! Все образуется! Произошел несчастный случай...

Никола. Я убил человека. Мне кажется – я схожу с ума!

Фьорелла. Не надо об этом думать! Это судьба! Вы невиновны. *(Другим тоном.)* А почему вы мне не помогаете?

Никола. О! Извините... Вы правы. Мне жаль, что я вас беспокою, выселяя из этого «уголка»: он такой милый!

Фьорелла. Забавно! Вы находите – он милый?

Никола. Правда, милый.

Фьорелла. Вы, который привыкли к замечательному дому... Он такой прекрасный, что мне даже трудно себе представить...

Никола. Пожалуйста, не говорите мне об этом доме!

Фьорелла. Правда. Я – просто идиотка. Извините! Помогите, пожалуйста, перенести стол.

Никола. Конечно, синьорина. *(Видит на столе почтовые открытки.)* А это что за открытки?

Фьорелла. Моя работа. *(Показывает ему.)* Смотрите...

Никола. Так вы рисуете?

Фьорелла. Нет-нет. Только раскрашиваю. Розовый и голубой... Довольно глупая работа, правда? А мне все-таки нравится... Розовый и голубой – это так красиво! И потом, когда я накладываю краску на цветы и пейзажи, мне кажется, что в моей собственной жизни становится меньше серых пятен. Я выгляжу дурочкой, да?

Никола. Почему, дурочкой?

Фьорелла. Потому что все это очень глупо. Меня все время ругает мама. Она говорит, что у меня в голове одни мечты.

Никола *(он как бы погрузился в свои размышления и разговаривает с самим собой)*. Мне тоже говорят, что у меня есть причуды. Возможно, что она права. Ну да! Если бы я был нормальным, то не сделал бы того, что сделал. И тогда не надо бы было прятаться...

Фьорелла. Хотите послушать прекрасную песенку? Мою любимую... Надо добавить, что это – моя единственная пластинка...

Включает проигрыватель. Звучит ставшая уже привычной мелодия. Она замечает, что Николу не покидают горькие думы, берет его за руку, нежно.

Ну, помогите же мне со столом!

Никола. Ах да!... Да...конечно...

Они несут стол в комнату налево, выходят.

Сцена вторая

Валерия *(Фьорелле)*. Нашла время крутить пластинку!

Фьорелла. Ее хотел послушать синьор Никола...

Валерия *(останавливается, голос ее становится удивительно любезным)*.

Ах так! Ну, если для синьора Николы...

Собирается вновь включить проигрыватель, но в этот момент раздается стук в дверь. Валерия застывает на месте.

Никола *(вздрагивает)*. Кто это? Полиция?!

Фьорелла *(тоже испуганно)*. Нет, не думаю! Кто там, мама?

Валерия. Откуда мне знать? Спрячьтесь там, синьор Никола.

Заставляет его выйти в левую дверь, оглядывается вокруг себя, чтобы удостовериться, что ничто не выдает присутствия молодого человека. Идет открывать дверь.

Разносчик газет *(появляется на пороге)*. Вечер добрый, Сеньора Валерия! Вечерние новости...

Валерия. Что случилось, Витторио? Тебя что, просили принести вечерние газеты?

Разносчик газет. Я сказал: «вечерние новости», а откуда им быть в газете. Фьорелле пришло письмо.

Валерия. Что? Письмо?

Разносчик газет. Срочное письмо сеньора Леониды своей дочери.

Подает Валерии письмо.

Валерия *(берет письмо)*. А он где?

Разносчик газет. В газетном киоске. Злой, как никогда! К счастью, идет дождь, не то от него могла бы вспыхнуть палатка. Спокойной ночи! *(Выходит)*.

Валерия закрывает дверь на замок.

Валерия *(протягивает письмо Фьорелле)*. Что он говорит?

Фьорелла *(открывает письмо и читает)*. «Срочное сообщение моей семье. Как Наполеон при Ватерлоо не смог предусмотреть прибытия Блюхера, так и я, следуя вдохновению моего гения, не подумал о том, что драгоценное пребывание молодого Николы в моих покоях препятствует моему спокойному возвращению домой. Ко всем другим несчастьям добавилось еще одно: о Боже! Льет, как из ведра! Поэтому ниже привожу следующие указания. Во-первых, о своем прибытии домой я извещу тремя короткими ударами в дверь, потом пауза и еще один длинный. Во-вторых, при этом сигнале вы должны закрыть Николу в другой Комнате, дав ему понять, что это может быть приход полиции. В-третьих, чтобы некий тип по имени Антонио немедленно прекратил ходить петухом и оставил мой дом, т.к., по моим наблюдениям, он все еще продолжает разыгрывать из себя мужа. Иначе произойдет стихийное бедствие, напоминающее собой землетрясение. С почтением, Леонида Папагатто».

Валерия. Мог бы и не подписывать. Такое может написать только твой отец.

Фьорелла. Да, но если он придет, и его здесь увидят, что мы будем делать?

Валерия. У него в кармане тридцать пять тысяч лир. Можно прекрасно устроиться и в другом месте!

Фьорелла *(открывает дверь в левую комнату)*. Сеньор Никола, вы можете вернуться. Заходил разносчик газет... Вы дрожите?

Никола *(входит)*. Да... Мне, действительно, страшно... Я... нервы у меня на пределе... не могу с собой совладать...

Фьорелла. Постарайтесь успокоиться.

Никола. Наверно, много выпил вина... Бутылка, которую полковник любезно принес на обед... мне кажется, что я один...

Валерия. Ну, ну! Вы выпили не больше двух рюмок.

Никола. Но я не привык...

Валерия. Знаете, что мы сделаем? Постелем вам кровать и вы сможете...

В дверь снова стучат.

Никола *(вздрагивает)*. О! Боже!.. Опять!.. Кто там?

Направляется в левую комнату.

Валерия *(удерживает его)*. Нет, нет! Не сюда! Ступайте туда! *(Идет к чулану, открывает дверь.)* Не так удобно, но более безопасно... ступайте!

Никола входит в чулан, Валерия закрывает за ним дверь. Фьорелла открывает входную дверь. Появляются Илона и Раймондо.

Сцена третья

Илона *(с удивлением при виде Фьореллы)*. Синьорина...

Валерия. Пожалуйста, сеньора, входите...

Илона *(несколько растерянно при виде Фьореллы)*. Но... право...

Валерия *(замечает растерянность Илоны)*. Не беспокойтесь. Это – моя дочь... Утром ее не было, так что вы еще не знакомы...

Илона. А! *(Беспокойно.)* А где Николетто?

Валерия. Мы его спрятали. Не знали, кто стучит...

Фьорелла. Сейчас я его приведу.

Раймондо *(Валерии)*. Как чувствует себя кузен?

Валерия. Очень расстроен. Совсем отчаялся.

Илона (*Видит Николу, вышедшего из чулана*). Николетто! Как ты себя чувствуешь, сокровище мое? (*Обнимает.*)

Никола. О, мама, ужасно... Все время думаю об этом!

Илона. Успокойся, дорогой, умоляю... все устроится, увидишь. Раймондо делает все возможное, чтобы ничего не случилось.

Раймондо. Тетушка права, Николетто... А тебе надо освободиться от навязчивой идеи... А иначе ты сойдешь с ума!

Никола. Этого-то я и боюсь!

Илона. Не говори так! Даже в шутку! Но... как ты здесь устроился? Хорошо?

Никола. Да, мама... Все они очень милы...

Валерия. Мы выполняем свой долг, синьора.

В дверь стучат: три коротких удара, пауза и четвертый – длинный.

Никола (*вздрагивает*). Стучат!

Илона. Кто бы это мог быть?

Валерия. Стучат? Вы думаете – стучат? Я не слышала... Фьорелла, ты слышала?

Фьорелла. Нет, мама.

Никола. Вот видишь, мама, у меня галлюцинации... уверяю вас ... я слышал стук...

Илона. И я тоже. Действительно стучали. Несколько ударов...

Валерия. Ах! Ударов... тук-тук... Тогда это сосед... Старик... У него деревяшка... (*Приходит в себя.*) ... деревянная перегородка... чтобы ее сбить... чтобы сбить пепел! Словом, он чистит трубку, вот... тук-тук! Он стучит трубкой по стене, а у нас слышно!

Снова слышен стук в дверь.

Никола. Мама, опять?

Раймондо. О Боже! Но стучат в дверь!

Валерия. А! Теперь мне тоже так кажется!

Никола. Полиция!

Фьорелла. Нет, не бойтесь!

Илона. Синьорина, прошу вас, спрячьте его!

Фьорелла берет Николу за руку и уходит с ним в левую комнату. Все ждут.

Илона (*Валерии, которая стоит неподвижно*). Синьора, можете открывать.

Валерия. О! Полагаю, это ни к чему... (*Пожимает плечами, говорит громче*). Возможно, тот, кто стучал, уже ушел!.. (*Подходит к двери, прислушивается. Потом говорит громче, чтобы услышал Леонида.*) Да, он ушел. Я слышу, спускается по лестнице...

Отходит от двери. Снова стук в дверь той же серией ударов.

Валерия (*в бешенстве*). Уважаемая синьора, знаете, есть такая поговорка: «Заставь дурака Богу молиться, так он и лоб расшибет». Если человек глуп, так это навсегда.

Илона. Нет, не знаю...

Валерия (*возвращается к двери, открывает ее, вопит.*) Входите!

Сцена четвертая

На пороге появляется Леонида. Он в той же одежде, что и в конце первого акта. Удивленный при виде Илоны и Раймондо, он пытается выглядеть непринужденно.

Илона (*в крайнем удивлении*). Полковник, вы?!

Леонида (*с напускной сердечностью*). Уважаемая синьора...

Раймондо. Как? Вы здесь? В этот час?

Леонида. Я возвращался от Вердеманны. Их деда произвели в кардиналы. Так вот, по пути к себе, я подумал: «Так... чем заняться теперь? А почему бы не зайти в эту семью... в семью... *(Валерии.)* Как вас?

Валерия *(ледяным тоном)*. Папагатто.

Леонида. Папагатто. Вот именно. К этим Папагатто, узнать о Николе... Право, уважаемая сеньора Чибор, я чувствую определенную ответственность за него...

Илона. Вы слишком любезны, полковник.

Леонида. Я лишь выполняю свой долг, синьора.

Раймондо. Извините меня, полковник. Я хотел бы просить вас оказать нам любезность.

Леонида. О, прошу вас.

Раймондо. Вот... но только без обиды... нам бы хотелось, чтобы в течение нескольких дней вы оставили в покое это семейство. Видите ли, слишком частые визиты лица вашего положения могут привлечь внимание, а это небезопасно для Николетто. Надеюсь, вы понимаете?

Леонида. Да что вы!... Конечно... Вполне разумно! Я к ним вообще не захожу. Разве что сегодня, возвращаясь от...

Раймондо. Вердеманны...

Леонида. Заглянуть и к ним... к этим...

Раймондо. Папагатто... чтобы узнать, как дела у нашего дорогого Николы. А где он?

Валерия. Он там, с Фьореллой.

Леонида. Ах!.. Так он уже нашел себе компанию... *(Илоне.)* И как он себя чувствует на новом месте?

Илона. Хорошо... полагаю, хорошо... Кстати, полковник, какую сумму вы назначили, чтобы отблагодарить этих отважных людей, оказавших гостеприимство моему сыну?

Леонида *(отводя Илону в сторону)*. Десять тысяч...

Илона *(отвлеклась и не слышала)*. Сколько?

Леонида. Пятнадцать тысяч в день...

Илона. Пятнадцать тысяч?

Леонида. Думаете, многовато?

Илона. Нет... нет... я полагала, будет гораздо больше!

Леонида *(растеряно)*. Ах! Тогда можно увеличить.

Илона. Нет, не стоит. Мы преподнесем им прекрасный подарок, когда все закончится. Во всяком случае, после обеда я дала еще двадцать тысяч лир.

Леонида. И прекрасно сделали. А кому вы их отдали?

Илона. Конечно, мужу.

Леонида *(разозлившись)*. Это же ужасно!.. Он же – пьяница! Как только к нему в руки попадают деньги, он тут же их пропивает! Поверьте мне, уважаемая синьора, этих двадцати тысяч лир мы больше никогда не увидим!

Илона. А я и не собиралась их больше видеть.

Леонида. Да, но я!

Илона. Простите, полковник...

Леонида *(берет себя в руки, указывает на Валерию)*. Я хотел бы видеть их в руках этой молодой женщины! Нашей добротой должна воспользоваться семья, а не этот алкоголик... Отныне мы будем делать так: я буду выдавать деньги, кому они по праву принадлежат, а вы мне потом вернете.

Илона. Спасибо. Но зачем же так себя обременять!

Леонида. Это мой долг... А вы ведь уже уезжаете, да?

Протягивает руку Раймондо.

Раймондо. Нет. Нам надо еще немного задержаться.

Леонида. А!.. Если позволите дать вам совет, не задерживайтесь слишком долго: погода ужасная, может начаться гроза.

Раймондо. Не важно. У нас машина.

Леонида. Хорошо. *(Илоне, которая направляется к левой двери.)* Пойдемте к Николе...

Илона и Леонида выходят в левую дверь. Раймондо, казавшийся в течение этого разговора все более и более озлобленным присутствием Леониды, обращается к Валерии.

Раймондо. Синьора, ваш муж дома?

Валерия *(не подумав).* Ну да! Разве вы его не видели?

Раймондо. Как?

Валерия *(растерянно).* Э... Я сказала: разве вы не видели его, чтобы сказать... разве он вам нужен?

Раймондо. Мне надо поговорить с ним.

Валерия. Сейчас? Как же быть? Он в спальне...

Раймондо. Если вы считаете, что он может принять меня, пожалуйста, позовите его.

Валерия. Это необходимо?

Раймондо. Крайне важно.

Валерия *(подчиняясь, отрешенно).* Ну что ж... *(Кричит в комнату, наверх.)* Анто... *(Поправляется.)* Леонида! Леонида!

Леонида *(появляется из левой комнаты, куда он вышел).* Что случилось?

Раймондо *(с удивлением).* Ничего, полковник. Что с вами?

Леонида *(исправляя ошибку).* Ах да! Простите... мне послышалось: полковник! .. полковник!

Валерия. Нет. Я звала мужа... *(Зовет громче.)* Милый!.. Дорогой, ты слышишь?

Леонида *(сдерживая себя).* А!.. так он не ушел?! Так значит, ваш муж не ушел?

Антонио *(выходит из спальни наверху, в рубашке).* Нет, полковник, я здесь!.. *(Спускается.)*

Леонида. А! Прекрасно! Лучше не бывает! Вот до чего мы дошли! Прямо в комнате жены... своей. Теперь все понятно! Это выходит за рамки приличия! Безнравственно! Устраиваете здесь оргии!

Раймондо. Извините меня, полковник, но мне непонятно, чему вы удивляетесь?

Леонида. Как это чему?.. Э... Чему?.. Да но вы посмотрите, этот мерзавец позволяет себе ходить по спальне в одной рубашке!

Валерия. В спальне он может ходить в чем угодно. Дедушка тоже там! Вы же сами его туда перенесли.

Леонида. Ага. Значит, дедушка там?

Валерия. Конечно.

Раймондо *(сухо).* Простите, полковник, мы вовсе не собираемся выставить вас, но знаете, после этого несчастного случая нам надо кое о чем поговорить с этими милыми людьми, а времени у нас мало... Так что...

Тащит Леониду к выходу.

Леонида *(сопротивляется).* Так что, мне уйти что ли? Подождите!... Долг прежде всего... Я, в качестве основателя благотворительного комитета, должен удостовериться, что старика не оставили в обиде. Этот несчастный сам защититься не сможет. Они могли убрать его за ширму..., а оттуда ничего не видно!... *(Валерии.)* Давайте, сеньора, посмотрим, что делает дедушка...

Валерия. А что он может делать? Он же парализован и к тому же впал в детство!

Леонида. Дедушка – да. *(Толкает Валерию к лестнице.)* А внук у него молодой и двигается хоть куда!

Они поднимаются по лестнице и исчезают в спальне наверху.

Сцена пятая

Раймондо (*подходит к Антонио*). Если вы не против, я хотел бы с вами поговорить.

Антонио. К вашим услугам, синьор.

Раймондо. Речь идет о сугубо конфиденциальном деле, которое должно остаться между нами.

Антонио. Синьор, я могу, если надо, быть немым, слепым и глухим.

Раймондо. Рад, что могу быть откровенным с вами. А вы получите честное вознаграждение за то, что скрываете у себя моего кузена, и являетесь, по сути дела, соучастником... Конечно же, соучастником в добром деле!

Антонио. Из этого следует?

Раймондо. Из этого следует, что вы, как и мы, крайне заинтересованы в том, чтобы ни одна живая душа не знала о несчастном случае... Сохраните в тайне то поручение, которое я собираюсь вам дать... Поручение, которое конечно же, будет хорошо оплачено.

Антонио. Ну, если доброе дело за хорошие деньги... А что надо делать?

Раймондо (*оглядывается*). Спрятать в квартире одного человека. Только на одну ночь.

Антонио. Ах, так. Значит, еще одного! А кто этот человек?

Раймондо. Алессандро.

Антонио. Алессандро?

Раймондо. Да, Алессандро, слуга.

Антонио. Но ведь он – покойник?

Раймондо. Естественно.

Антонио. Так значит, я должен спрятать человека, который... покойник... Но, сеньор, это же опасно... очень опасно...

Раймондо. Только на одну ночь.

Антонио. Понятно, но здесь... у меня... каким образом? А что, если потом... вдруг об этом узнают?

Раймондо. Не беспокойтесь, я все предусмотрел.

Антонио. Хорошо... Но... вам так необходимо, чтобы он исчез, этот... покинувший мир навсегда?

Раймондо. Совершенно необходимо, к сожалению. Если мы объявим о его кончине, начнется следствие, и тогда у Николетто могут быть неприятности.

Антонио. Ну!... Это же несчастный случай!

Раймондо. Да, но попробуй, докажи. Пару недель назад Николетто повздорил с Алессандро... и потом Николетто, он – не совсем нормальный. Сверхчувствительный... Мы с тетушкой и без того боимся за него.

Антонио. Тем более, синьор. Вы, простите, забываете об опасности. А если кто-нибудь кинется разыскивать усопшего?

Раймондо. С этой стороны никакого риска. Он – космополит.

Антонио. Что?

Раймондо. Космополит.

Антонио. Бедняга!... А он знал об этом?

Раймондо. О чем? Что он – космополит? А вы знаете, что это такое? Это значит – «без родины», «без национальности». У него нет ничего: ни семьи, ни родителей, ни консула, ни посла! Достаточно сказать, что он уехал, и все о нем забудут.

Антонио. Да, но знаете ли... похищение трупа!... Нет, нет! Сожалею, но...

Раймондо. Синьор Папагатто, вы получите двести тысяч лир.

Антонио. А!.. Ну, если речь о добром деле... Скажите, а еще одного трупа у вас нет?

Сцена шестая

Илона (*выходит из левой комнаты*). Николетто, кажется, успокоился.

Раймондо. Не очень этому верьте, тетушка. Шок был сильным... Во всяком случае, я еще останусь. А вы идите, отдохайте. Вам нужен отдых.

В то время, как Раймондо говорит, из комнаты наверху вышли Валерия и Леонида. Они спустились вниз. Видно, что они крупно поспорили между собой.

Валерия (*смотрит на Антонио*). Он уложил его на кровати.

Леонида. Думая о старости других, мы заботимся о своей старости. Это не мои слова. Их сказал один светский человек, должно быть, философ.

В дверь стучат. Все переглядываются в тревожном ожидании.

Илона. Кто это?

Валерия. Э! Откуда мне знать?

Раймондо. Вы кого-нибудь ждете?

Валерия. Нет.

Илона. О Боже!

В дверь опять стучат.

Голос разносчика газет. Сеньор Леонида! Сеньора Валерия! Откройте!

Валерия. А! Это – Витторио, разносчик газет...

Леонида. А что ему надо в такой час?

Валерия (*подходит к двери*). Что случилось, Витторио?

Голос разносчика газет. Я привел Роберто...

Валерия. А! Вернулся Роберто!

Антонио. А! Вернулся Роберто!

Леонида. А! Вернулся Роберто!

Раймондо. А кто это – Роберто?

Антонио. Сын...

Валерия (*обрывает его*). Сын от моего первого мужа.

Антонио. Да. От первого мужа. Он умер.

Леонида (*крестится, чтобы его не сглазили*). Ах! Он умер!

В это время Валерия открывает дверь. Входит Роберто, поддерживаемый Витторио. Роберто около двадцати пяти лет. Глаза совершенно обессилены от танцевального марафона. Глаза у него закрыты, а тело содрогается в ритмичных конвульсиях, будто он продолжает танцевать, пребывая во сне.

Валерия. О Боже! Что с ним случилось!

Разносчик газет. Его привели ребята из Дворца.

Илона. Бедняжка. А что с ним? Конвульсии?

Валерия. Нет. Он принимал участие в танцевальном марафоне. Три дня и три ночи без остановки.

Раймондо. Да вы усадите его!

Разносчик газет. Нет, нет! Сказали, что его нельзя сажать еще два часа. Иначе он потеряет все свои рефлексy!

Валерия. Господи! Только марафона нам не хватало!

Леонида. А он выиграл что-нибудь?

Разносчик газет. Да что вы! Он остановился на сто двадцатом часу. А девять пар еще продолжают.

Леонида. Так значит, награды не будет?

Разносчик газет. Какой награды? Я же говорю вам, что он выбыл из конкурса.

Леонида. Жаль...

Валерия (*пытается заставить Роберто выпить немного воды*). Роберто...

Роберто... как ты себя чувствуешь?

Роберто (*заплетающимся языком*). Устал... устал... очень устал...

Разносчик газет. Так кому его передать?

Антонио (*подходит к Роберто*). Давайте мне. Я займусь.

Роберто переходит в руки Антонио, опять начинает танцевать, будто находится на танцевальной площадке. Затем он смотрит на Леониду.

Роберто (*Леониде*). Хочу спать... папа, я хочу спать...

Разносчик газет (*Антонио*). Пока рано! Пусть еще походит. (Остальным.) Ну, я пошел. До свиданья! Всего доброго, сеньора Валерия.

Валерия. Спасибо, Витторио.

Разносчик газет (*подходит к выходу*). Вы уж не забудьте... э.. Сказано: «пусть он походит». (*Выходит.*)

Леонида (*повторяет*). Пусть походит...

Антонио поддерживает Роберто, который шагает, покачиваясь взад-вперед. Оказавшись около Леониды, обращается к нему.

Роберто (*слабо*). Папа... папа... прости меня...

Леонида напряженно смотрит на Роберто, делая вид, что не слышал его. Потом медленно оборачивается к остальным.

Леонида. Кому он это говорит?

Роберто. Тебе, папа... прости, папа...

Леонида (*Валерии*). Синьора, мне кажется, у этого молодого человека кризис не только от танцев, но и от менингита...

Валерия. Усталость, полковник, извините его.

Леонида. Тогда уложите его в кровать. Наверху. С бабушкой... Ему там будет хорошо...

Илона. Да, но бедняжка потеряет все рефлексы!

Леонида. Пара шлепков по щекам приведет его в нормальное состояние. Отведите его наверх.

Роберто. Да, папа... Спокойной ночи, папа.

Леонида. Это у него идея фикс. Мальчик непременно хочет, чтобы я был его отцом...

Илона. Возможно, полковник, вы похожи на его усопшего отца...

Леонида (*стуча по дереву, чтобы его не спугнули*). Возможно...

Роберто, поддерживаемый Антонио и сопровождаемый Валерией, поднимается по лестнице. Все трое исчезают в комнате наверху.

Раймондо. Тетушка, если хотите пойти и отдохнуть, мне кажется теперь – самое время. (*Леониде.*) Полковник, потрудитесь проводить тетушку... мне надо задержаться.

Леонида. Как? Вы останетесь?

Раймондо. Да, еще ненадолго.

Леонида. Пойдемте лучше с нами, дорогой друг. Никола в надежных руках. Я отметил, видите ли, что ему нравится эта милая девушка. Так вы идете?

Раймондо. Нет, нет. Благодарю вас. Мне надо поговорить с Николой. (*Прощается с ним.*) До свиданья, полковник. Рад был встретиться с вами. (*Илоне.*) Доброй ночи, тетушка. Не беспокойтесь. Я займусь Николетто. (*Выходит в левую дверь.*)

Сцена седьмая

Илона (*вздыхает, обращается к самой себе*). Будем надеяться, что все кончится хорошо.

Леонида. Не думаю. Судя по тому, как обстоят дела...

Илона. Так мы идем?

Леонида (*смотрит в комнату наверху*). Но... возможно, мне надо будет...

Илона (*решительно*). Идем. Так будет лучше.

Леонида. Как это лучше?

Илона. Полковник, несмотря на горе и ужасные обстоятельства, я все-таки кое-что поняла.

Леонида (*испугано*). Поняли? Что?

Илона. Все.

Леонида. Что все?

Илона. Полковник, вы скрываете мотивы, по которым стремитесь остаться в этом доме. Конечно же, речь идет не о благотворительности.

Леонида (*еще более испуганно*). Да что вы говорите, сеньора?

Илона. Поверьте, я заметила, как вы стучали в дверь. Это был не просто стук, а нечто особое. Условный знак. Кого вы хотели предупредить?

Леонида (*потрясенный*). Условный знак?

Илона. Именно. И почему вы поднимались вверх с сеньорой Папагатто. Заметьте: вдвоем.

Леонида. Ну... чтобы заняться дедушкой.

Илона. Чтобы заняться совсем другим, полковник. Нет, вы уж извините, но сеньора Папагатто не отрывает от вас глаз, а вы, полковник, вы всячески стремитесь устранить ее мужа. Кроме того, помощь, которую вы оказываете этой семье, чрезмерна. Признайтесь, полковник, вам бы хотелось стать любовником сеньоры Папагатто!

Леонида (*сразу успокоившись, смеивается*). А! А!.. Мне хотелось... А!А!... Любовником сеньоры Папагатто! А! А!... Она мила, сеньора... Мне бы хотелось стать! А!А!

Илона. Я понимаю, вы – джентльмен и никогда не признаетесь в этом, но будьте осторожны! Это может быть опасно!

Леонида (*смеется*). А! Опасно! А!А! Опасно, что я...я...

Илона. Да, поскольку они очень любят друг друга.

Леонида. Как? Очень любят? Валерия и... Но это невозможно!

Илона. Ах! Не верите? Вы просто никогда не видели их наедине. Сегодня после обеда они ворковали как голубки. Такая нежная любовь.

Леонида (*горячо*). Это – комедия, сеньора! Пускать пыль в глаза. Просто лицемерят. Ничего более! (*Ворчит.*) Во всяком случае, я думаю...

Илона. Нет, полковник. Они любят друг друга. И это так прекрасно.

Леонида. Ах, это прекрасно? (*Разгневанно, угрожая.*) Боже... Да если они осмелятся!.. (*Меняет тон.*) Да, но сеньора, в их комнате все время находится дедушка. Там – Фьорелла и Николетто. Здесь – все время кто-нибудь есть... Куда же они ходили в чулан?

Илона. Прошу вас, полковник, оставьте пошлости. Достаточно посмотреть на них и станет ясно, какие чувства владеют ими.

Леонида. Поклянитесь головой!

Илона (*удивленно*). Головой? Простите, но что удивительного в том, что жена любит своего мужа?

Леонида. Своего мужа? Какого мужа?

Илона. Своего мужа.

Леонида. Сеньора, есть мужья и мужья... А этот – мерзавец, негодяй!

Илона. И все-таки муж. Я не отстану от вас, пока вы не поклянетесь, что больше никогда не переступите порог этого дома.

Леонида. Что? Поклясться? Мне? Но почему, сеньора?

Илона. Полковник, не заставляйте меня говорить то, что мне не хотелось бы говорить. Чувства затмевают в вас разум.

Леонида. Во мне?

Илона. Да. Вы приходите сюда исключительно из-за того, что надеетесь откусить запретный плод.

Леонида (*поправляет*). Надкусить. (*Илона пожимает плечами.*)

Илона. Пусть так. Только и ждете, чтобы надкусить запретный плод.

Леонида. Запретный плод?.. (*Смеется.*) Что вы сеньора, откуда здесь плоды? Бобы, и те не всегда бывают...

Илона. Вы излишне остроумны. И кроме того, у вас сегодня не хватает такта. Пойдемте, полковник, прошу вас.

Леонида (*пытается все-таки задержаться*). Но... я...

Илона. Пойдемте. Так будет лучше. (*Леонида вздыхает, многозначительно смотрит наверх, выходит за Илоной из комнаты.*)

Сцена восьмая

Раймондо стремительно возвращается в комнату. Он с нетерпением ждал, когда уйдет Леонида.

Раймондо (*зовет из комнаты наверх*). Сеньора Папагатто!

Валерия (*появляется наверху*). Да...

Раймондо. Ваш муж может спуститься?

Валерия. Полковник ушел?

Раймондо. Да, наконец, ушел.

Появляется Антонио, он спускается по лестнице. Валерия возвращается в комнату наверху.

Антонио (*спускаясь вниз*). К вашим услугам. Что надо делать?

Раймондо. Так вот! Надо сходить за чемоданами с останками бедного Алессандро и принести его сюда. Чтобы решить все проблемы, связанные с прахом умершего, и организовать в некотором роде его последнее путешествие, мне понадобится эта ночь... Завтра рано утром я вернусь за ним...

Антонио. Хорошо.. Что еще? Вы дадите авансик?

Раймондо. Естественно. Держите. (*Подает ему конверт.*) Здесь – сто тысяч лир. Остальные сто тысяч в конце операции.

Антонио (*проверяет деньги*). Очень хорошо. Я готов. У вас есть катафалк?

Раймондо. У меня есть машина...

Антонио. А как с упаковкой?

Раймондо. Не бойтесь. Покойник в чемодане. Чемодан закрыт. Надо только.

Антонио. Перенести останки. Пошли?

Раймондо. Пошли.

Антонио (*зовет*). Валерия! (*Валерия появляется наверху.*) Валерия, я ненадолго выйду с сеньором.

Валерия. Куда ты идешь?

Раймондо. Мы сходим за чемоданом. (*Реакция Антонио.*)... За небольшим чемоданчиком с личными вещами Николетто.

Антонио. Сейчас вернемся. Ложитесь все спать. (*Раймондо и Антонио выходят.*)

Сцена девятая

Валерия. Все спать!.. Легко сказать. Здесь больше народу, чем в Гранд-Отеле. (*Зовет.*) Фьорелла! Фьорелла!

Голос Фьореллы. Да мама...

Из левой двери выходит Фьорелла.

Валерия. Мне кажется, сеньор Никола хочет спать. Скоро полдвенадцатого. Постели ему.

Фьорелла. Я уже постелила. Одеяло взяла у тетушки Матильды. Раз я буду спать с ней, вдвоем мы не замерзнем...

Валерия. Ты хочешь сказать – втроем. Я тоже буду спать с вами. Твой братец как раз сегодня решил оставить танцплощадку.

Фьорелла. А где он?

Валерия. Наверху. В кровати твоих родителей. С философом. Такая пара – просто прелесть. Он – на моем месте, а «дедушка» - на месте твоего отца. Полная идиллия.

Фьорелла. Можно позвать сеньора Николу?

Валерия. Он ничего, наш подпольный постоялец, а?

Фьорелла. Мама, ну что ты. Не надо так.

Фьорелла выходит в левую дверь, а Валерия в это время приводит в порядок «уголок». Почти сразу Фьорелла возвращается с Николой.

Валерия. Вот, сеньор Никола. Ваша квартира готова. Если дождь не прекратится, возможно, у вас появится еще и водопад.

Фьорелла. Мне жаль, сеньор Никола, что мы не смогли разместить вас поудобней...

Никола. Нет, нет. Мне будет хорошо... Боюсь только, не смогу заснуть...

Фьорелла. Надо постараться. Вам нужен отдых... забудьте обо всем...

Никола. Да, знаю... Но это невозможно... Ночью страшнее всего... Мне кажется, я сойду с ума... Это пятно крови на груди Алессандро... Кошмар... Конечно, мне не уснуть.

Валерия. Значит, выпили вы недостаточно.

Фьорелла. О! Мама!

Валерия. Ну, ложитесь. Увидите – заснете. *(Валерия закрывает занавеску, за которой находится «уголок» Фьореллы.)*

Фьорелла. Мама, у меня есть идея... Сбегаю-ка я в аптеку и куплю снотворное...

Валерия. И не думай! Дежурная аптека у черта на куличках. Подожди... Посмотрим, может, в пакете Барона есть что-нибудь... Вам-то это ни к чему. Слава богу, вся семья в добром здравии... Так что, если найдется снотворное для твоего Николы, можно будет сказать словами отца: возблагодарим науку... *(Продолжая говорить, разворачивает с помощью Фьореллы пакет с лекарствами, который принес Барон.)* Похоже на передачу в тюрьму... Надо же! *(Изучает флакону и коробки.)* Пенициллиновая мазь, нет... витамины... витамин С.Д... надо будет отдать все это дедушке. По крайней мере, алфавит изучит...

Фьорелла. Вот, мама! *(Показывает тюбик.)* Гарденал...успокаивающее средство, против бессонницы и повышенной возбудимости...

Валерия. Прекрасно! Это нам подойдет.

Фьорелла. От двух до четырех таблеток в зависимости от назначения врача...

Валерия. Тогда дадим шесть. Чтобы наверняка. *(Подает Фьорелле шесть таблеток и стакан воды.)* На, отнеси ему.

Фьорелла. Да, но мама... он же раздевается...

Валерия. Тогда пойду я. И все-таки, если бы в восемнадцать лет я боялась мужчину в кальсонах, то уже давно бы отдала богу душу. *(Отодвигает занавеску.)* Вы позволите?

Не получив ответа, входит в «уголок». Слышны голоса ее и Николы.

Вот сеньор Никола, примите и будете прекрасно спать.

Никола. Спасибо, сеньора... Я так устал...

Валерия *(после короткой паузы).* Вот. Bravo! Доброй ночи!

Никола. Доброй ночи, сеньора.

Валерия появляется из-за занавески с пустым стаканом.

Валерия. Ну вот, сделали благое дело. Теперь пошли спать. Пора! Выключи свет! *(Выходит в левую дверь.)*

Фьорелла. Доброй ночи, сеньор Никола!

Голос Николы *(из-за занавески.)* Доброй ночи, Фьорелла... Спасибо...

Фьорелла выливает воду в вазу с цветами, выключает свет. Сцена освещается лишь светом, проникающим со стороны: от фонарей и луны в дождливом, облачном небе. Фьорелла подходит к занавеске.

Фьорелла *(вполголоса).* Еще раз, доброй ночи... *(Не получив ответа, повторяет громче.)* Доброй ночи...

Фьорелле никто не отвечает. Девушка в молчании выходит в левую дверь.

Сцена десятая

Чуть позже дверь квартиры открывается. Тихо входит Антонио. Не включая света, убеждается, что все легли спать. Затем выходит и возвращается с Раймондо.

Они несут тяжелый чемодан, стараясь как можно меньше шуметь.

Голос Валерии *(из комнаты слева).* Не шумите, он только что заснул...

Антонио *(вполголоса).* Где поставим? В чулане?

Раймондо *(тихо).* Только тише, а то разбудим Николетто.

Они относят чемодан в чулан, оставляют его там, закрывают дверь.

Раймондо приоткрывает занавеску в «уголок», где спит Никола, смотрит на него, затем полностью отодвигает занавеску, как в начале первого акта Валерия, чтобы разбудить Фьореллу.

Раймондо. Вот. Так ему будет легче дышать. Спокойной ночи.

Антонио *(провожает его до двери).* Доброй ночи, сеньор.

Раймондо. Итак, в пять ровно.

Антонио. Не беспокойтесь. Встану и буду поджидать.

Раймондо выходит. Антонио закрывает дверь, направляется к левой двери.

Антонио *(зовет вполголоса).* Валерия! Валерия!..

Валерия выходит в ночной рубашке. Свет из левой комнаты проникает на сцену.

Валерия. Что ты хочешь?

Антонио. Фьорелла спит?

Валерия. Да.

Антонио. А твой муж?

Валерия. Он не вернется. Места нет. Я сказала, чтобы он переспал в гостинице.

Антонио. Отлично. Дверь я оставлю открытой.

Валерия. Что за мысли? Оставь меня в покое! У тебя одно на уме...

Антонио. Ну и что? Надо пользоваться – пока мы – супруги!

Валерия. Ступай!

Валерия отталкивает Антонио к выходу. Они целуются.

Антонио. Жду. *(Выходит.)*

Валерия уходит в левую комнату, закрывает за собой дверь. На сцене темно. Часы на башне бьют двенадцать ударов. Полночь. Дверь чулана открывается с легким скрипом. Возникает силуэт мужчины, он передвигается как автомат.

Сделав несколько шагов, он включает карманные фонарик, высвечивает отдельные фрагменты комнаты. Это Алессандро, покойник. Он в ливрее, которая выдает его профессию. Большое пятно сияет на его груди: знаменитое пятно крови... Алессандро подходит к спящему, останавливается около кровати, подобно приведению вопит в луче света.

Алессандро (*производит на свет проклятия*). Убийца! Проклятый убийца! Смотри на меня! Я – Алессандро. Ты убил меня! Но мой призрак рассчитается с тобой, он будет преследовать тебя до тех пор, пока ты не сойдешь с ума! Смотри на меня!

Никола продолжает спать. Алессандро после паузы вновь обращается к нему. Убийца! Проклятый убийца! Смотри на меня! Я – Алессандро!

Никола спит. Алессандро опять трясет его. Никола делает несколько сонных движений. Алессандро продолжает.

Я – Алессандро! Ты убил меня, но мой призрак рассчитается с тобой, он будет преследовать тебя до тех пор, пока ты не сойдешь с ума! Убийца! Проклятый убийца! Прокля...

Монолог Алессандро прерывается зычным храпом Никола, который продолжает спать. Алессандро пытается разбудить его, обращаясь к нему, правда не очень громко, чтобы не привлечь внимания других.

Эй!.. Эй, ты!.. Фьют!... Ээээ! Синьор Никола, ваш завтрак.

Опять трясет Никола. Тот делает несколько движений, резче, чем в первый раз. Алессандро опять принимает позу призрака и продолжает свои проклятия. Убийца! Проклятый убийца! Смотри на меня! Я – Алессандро! Ты убил меня, но мой призрак будет преследовать тебя до тех пор, пока ты не сойдешь с ума...

На этот раз зловещий монолог Алессандро прерывается стуком в дверь, три коротких и один длинный. Это сигнал Папагатто. Алессандро тут же выключил фонарик. Вновь в дверь стучат этой же серией ударов. Она тихо открывается. У Алессандро нет времени вернуться в чулан. Он прячется в «уголок», около кровати Никола, за занавеской.

Сцена одиннадцатая

В комнату медленно, с предосторожностями входит Леонида. Он передвигается в темноте, убеждается, что Никола спит, не замечает Алессандро, задвигает занавеску, поднимается по лестнице, чтобы проверить брачную комнату, возвращается вниз, направляется к левой двери.

Леонида (*зовет вполголоса*). Валерия! .. Валерия!.. (*В это время Алессандро быстро выходит из-за занавески и возвращается в чулан.*)

Валерия (*выходит из левой комнаты в ночной рубашке с видом только что вставшей с кровати женщины, отвечает ему спокойно обычным голосом*). Зачем ты пришел? Уже поздно! Что тебе надо?

Леонида (*опять вполголоса*). Тсс! Говори тише! (*Показывает на «уголок»*.) Разбудишь постояльца!..

Валерия (*продолжает, не снижая голоса*). Будь я примадонной в Ла Скала, можно было бы пропеть арию Кармен. Он все равно не проснется. Я дала ему снотворное.

Леонида (*голосом, не терпящим возражений*). Понятно! Значит, ты ему снотворное!

Валерия. Шесть таблеток гарденала...

Леонида (*включает свет, в бешенстве возвращается к Валерии, делает вид, что хочет ударить ее, но сдерживается*). Шесть таблеток гарденала... На колени!

Валерия (*совершенно спокойно*). Ты вернулся специально для того, чтобы наговорить мне гадостей?

Леонида. Я вернулся, чтобы воздать по заслугам! (*Достает большой камень.*)

Валерия. Кому?

Леонида. Тебе.

Валерия. О, с тебя достаточно и этого графина. *(Берет графин с водой и помахивает им.)*

Леонида *(меняя тон)*. Спокойно... Ты слишком легко одета, а там – дождь... *(Валерия ставит графин на место.)* Ты меня слушаешь?

Валерия. Что дальше?

Леонида. Было замечено, что между двумя лицами, а именно – тобой и неким блудным псом по имени Антонио – происходит обмен похотливыми взглядами.

Валерия. О чем ты говоришь?

Леонида. О своем отвращении и скорби. Ведь женщина, получающая физическое и интеллектуальное удовлетворение от общения с Леонидой Папагатто...

Валерия. Скорее интеллектуальное, чем физическое...

Леонида. Такая женщина, - говорю я себе, - вряд ли обратит внимание на полуфабрикат рода человеческого, каким является Антонио. Или же она отказывается от икры, - и это – причина моей скорби, - чтобы остаться на бобах, и это – причина моего отвращения.

Валерия. Все?

Леонида. Где этот тип?

Валерия. А мне откуда знать? Он давно уже ушел.

Леонида. Не верю, я буду спать здесь... с открытыми глазами.

Валерия. Где же ты хочешь спать с открытыми глазами? В чулане?

Леонида. Именно – в чулане. *(Направляется к чулану, открывает дверь, видит чемодан.)* Что это за чемодан?

Валерия. Чемодан? Ах!... Наверно, тот, что принес Сеньор Раймондо с личными вещами этого юноши... Ты же видишь: места нет! Ступай куда-нибудь!

Леонида. А!... О, женское коварство!... Нет, дорогая, спать я буду здесь. Чемодан можно перенести поближе к молодому человеку. И тогда у меня будет достаточно места, чтобы удобно разместиться в пункте наблюдения. Принеси подушку!

Валерия поднимается наверх. Леонида вытаскивает из чулана чемодан.

О Боже! Ну и тяжесть! Интересно, во что он одевается? Наверняка в доспехи предков!

И не без труда он доволакивает чемодан до занавески, скрывающей спящего Николу. Валерия возвращается с подушкой.

Браво! Очень хорошо! Дедушку не разбудила?

Валерия *(бросает подушку в чулан)*. А мне откуда знать? Когда он сидит, можно подумать, что он умер. Так что можешь представить, как он выглядит лежа... Ну, наблюдательный пункт готов. Мой генерал, ваши приказы выполнены. Если это все, разрешите удалиться.

Леонида *(делает вид, что собирается дать ей пощечину)*. Так ты еще издеваешься? *(Валерия подбегает к столу, хватая графин, опять размахивает им.)* Спокойно! .. Пить я не просил. Меня мучит другая жажда – чести и верности.

Валерия *(с отвращением)*. Может еще какая?

Валерия выходит в левую дверь. Леонида выключает свет, забирается в чулан, закрывает за собой дверь.

Сцена двенадцатая

Некоторое время сцена остается пустой и неосвещенной. Слышны удары часов на башне. Медленно поднимается крышка чемодана. Но внезапно открывается входная дверь. Крышка чемодана быстро закрывается. Дверь открыл Антонио. Он осторожно направляется к левой двери. Когда он доходит

до середины комнаты, открывается дверь чулана оттуда выходит Леонида в кальсонах и рубашке. Он размахивает металлической вешалкой.

Леонида. Ни с места! Кто идет?

Антонио *(испуганно останавливается)*. Это я, сеньор Леонида... Я Антонио!

Леонида *(держит вешалку как ружье, целясь в Антонио)*. Двинешься – пристрелю! *(Включает свет. Антонио видит вешалку, удивлен.)* Зачем сюда пришел?

Антонио. Кто? Я?

Леонида. Отвечай или буду стрелять. *(Замечает, что при свете вешалку за ружье не примешь, он берет ее как палку и угрожает Антонио.)* Или я проломлю тебе череп!

Антонио. Не надо! Я пришел за... потому, что сеньор Раймондо и я... мы принесли чемодан... с вещами... э...э...так что... я...

Леонида. Я знаю все, негодяй!

Антонио. А что вы знаете, сеньор Леонида. Нечего знать...

Леонида. Все! Я знаю все! Сеньора Чибор мне все рассказала... можешь не оправдываться... ставки сделаны! Был человек и нет! Покойник уж в гробу!

Антонио. Покойник? *(Успокоено, поскольку имеет в виду совсем другое, весело добавляет.)* Ах... Покойник уж в гробу...

Леонида. Тебе не страшно? Трепета не вижу.

Антонио. Ну... я думал, это тайна... об этом никто не должен знать... Так вам сказала сеньора Чибор?

Леонида. А! Так это правда! Мерзавец!

Антонио. Истинная правда. Но зачем же кричать. Я ни на минуту не допускал мысли, что вы останетесь без своей доли... Все должно быть честно... пополам...

Леонида *(с возмущением)*. Пополам? Мою долю?!

Антонио. Нет! Вашу – вам, а мою – мне...

Леонида. И ты думаешь, я соглашусь? На двоих?! *(Угрожающе потрясает вешалкой в воздухе.)*

Антонио. Конечно, на двоих, как только закончим, сто тысяч лир ваши.

Леонида *(в изумлении застывает на месте, вешалка замирает в воздухе)*. А?! .. Сто тысяч лир? *(Опускает руку с вешалкой, садится на чемодан.)* Тебе?... Мне?...

Антонио. Обязательно. Вот только отнесем.

Леонида. Ага! .. Отнесем?

Антонио. Да!

Леонида. Ничего себе дельце! Разврат!

Антонио. Какой разврат?.. Когда выйдем в открытое море... *(Показывает как будут выбрасывать в открытое море труп.)* Бум! В пучину моря...

Леонида *(почти кричит)*. Валерию?!

Антонио *(удивленно оглядывается)*. А? .. Разве она здесь?

Леонида. Кто?

Антонио. Ваша жена... Вы ведь ее зовете!

Леонида. Не зову, а констатирую:»Валерию... в море... бум!...»

Антонио. Она что, купается в это время?

Леонида *(встает, возмущенно)*. Да ты что, смеешься надо мной!.. Да я тебя...

Антонио *(горячо)*. Нет, уверяю вас, сеньор Леонида, сто тысяч будут ваши!

Леонида *(обессилена садится на чемодан)*. За то, чтобы исчезла Валерия?

Антонио. Кто говорит о Валерии?... Чтобы исчез Алессандро...

Леонида. Алессандро?

Антонио. Ну да, слуга...

Леонида *(останавливает его)*. Слуга! Где он? Где этот покойник?

Антонио. Под вами. В чемодане.

Леонида *(пулей вскакивает)*. Подо мной? *(Заикается от волнения.)* Я... под... мой... мной...

Антонио. Да, в чемодане.

Леонида. В этом чемодане – покойник?

Антонио. Да, сеньора Чибор ведь вам все рассказала.

Леонида *(немного приходя в себя)*. Сеньора Чибор? Ах!... да... да, конечно... *(Весело.)* Она мне столько всего рассказала. Я перепутал... вот... я просто перепутал...

Антонио. О, сеньор Леонида, это – не беда... Словом, я хочу сказать.

Леонида *(свысока)*. И что делает в моем доме труп слуги, закрытый в чемодане?

Антонио. Ждет.

Леонида. Ждет что? Последнего суда?

Антонио. Нет, пяти часов утра. В это время сеньор Раймондо придет и возьмет его, а живым даст сто тысяч лир... Пятьдесят вам, пятьдесят - мне.

Леонида. Минуточку! Бандит! Ты хочешь сказать: двадцать – тебе и восемьдесят – мне. Покойник – мой. Он в моем доме!

Антонио. Да, но принес его я...

Леонида. Это незаконно! ..Грабитель!.. Спекулянт!.. Воспользовался ложным положением в семье и теперь торгуешь трупами!.. Вон отсюда! Бездельник! Покойник – мой!

Антонио. Как хотите... ладно, покойник – ваш. Тогда сами и отдавайте его сеньору Раймондо. А заодно, полковник, объясните ему, каким образом вы оказались в этой квартире в пять часов утра... *(Направляется к двери.)* Спокойной ночи, полковник!

Леонида *(останавливает его)*. Стой! .. Вот подлец!.. Ладно, семьдесят – мне и тридцать – тебе... Только отпустишь сам. Согласен?

Антонио. Согласен. Ведь вы и – хозяин... Вернусь в пять часов...*(При выходе.)* Спокойной ночи, коллега.

Леонида подпрыгивает, грозит: Антонио ускоряет свой выход.

Леонида *(остался один)*. О Боже! Как он мне отвратителен!

Выключает свет, в темноте направляется в чулан, по дороге спотыкается о чемодан, ему больно, свирепеет, но жест сразу же переходит в другой, он крестится, затем – возвращается в чулан. Сцена пуста. Бой часов на башне.

Сцена тринадцатая

Крышка чемодана вновь медленно поднимается, оттуда вылезает Алессандро, подходит к двери чулана, закрывает его на ключ. Включает фонарик, освещает им путь себе, направляясь в «уголок», где спит Никола. Приоткрывает занавеску и возобновляет свой монолог пред Николой.

Алессандро. Убийца! Проклятый убийца! Смотри на меня! Я – Алессандро! Ты убил меня! Но мой призрак...

Он останавливается, т.к. открывается входная дверь, выключает фонарик и прячется за занавеской. Входит Матильда, она возвратилась из театра. За занавеской что-то падает.

Матильда *(вполголоса)*. Фьорелла, ты не спишь?.. Фьорелла... Валерия, - это ты... Кто там?

(Она включает свет и идет в «уголок», где занавеска, как мы знаем, наполовину отодвинута. Она снова громко спрашивает.)

Я спрашиваю: кто там?

(Дергает занавеску, видит спящего Николу.)

Ах, да! Совсем забыла! Здесь спит этот молодой человек... Так, он спит... Да, но я-то пока в своем уме... что же это был за шум.

(Она нежно обращается к Николе.)

Ээй... вы спите?

Алессандро незамеченным переходит на другое место, чтобы его не увидели.

Никола храпит.

Надо ему сказать чтоб он не спал с открытым ртом. Вредно для десен... так значит, никого?

(Из чулана доносится стук.)

Хотя нет! Кто-то есть! Кто же это?

Голос Леониды. Откройте! Сейчас же откройте! Кто меня закрыл?

Матильда. Хи... похоже, Леонида...

Подходит к чулану, открывает дверь, появляется Леонида.

Матильда крайне удивлена.

Леонида!... Действительно – Леонида!

Леонида. Кто закрыл дверь? Ты?

Матильда. Я? Да я только что вошла! Сразу эти странные звуки оттуда...

(Показывает на «уголок», в котором продолжает храпеть Никола.)

Леонида. Эти? .. Это звуки гарденала. И все-таки он не настолько сильно храпит, чтобы от этого могла закрыться дверь в чулане...

Матильда. Да нет. Я же сказала тебе, что слышала какие-то звуки!

Леонида. Тогда там кто-то есть?

Матильда. Нет. Я смотрела. Только этот юноша. Он спит.

Леонида. И все-таки кто-то меня закрыл!

Матильда. О, дева Мария! Как в «Гамлете», в первом акте... Призрак... Здесь есть призрак!

Леонида. Здесь есть мерзавец! И к «Гамлету» он не имеет никакого отношения! Драму здесь устрою я! Какой наглец! Закрыл! Закрыл меня! Меня, Леониду Папагатто! В собственном доме! Ну, погоди! Мразь! Верблюд! Свинья! Гадюка! Акула! Шакал!

Матильда *(испуганно).* Боже! Что это за чудовище?

Леонида. Чудовище? Ты права! Негодяй, имя которому – Антонио! Это он меня закрыл... *(Намеревается броситься к входной двери, затем останавливается как вкопанный от внезапной мысли.)* Подожди! Где Валерия?

Матильда. Валерия? А что с ней?

Леонида. Я-то знаю, что с ней. *(Направляется к левой двери, открывает ее, смотрит внутрь, закрывает дверь.)* Странно... Очень странно... Она спит.

Матильда. Как? Валерия спит в моей комнате? А где буду спать я? В чулане?

Леонида. Нет, в чулане сплю я.

Матильда. Прекрасно! А я вообще не сплю? Что всю ночь так проведу?! *(Садится на чемодан.)*

Леонида *(подпрыгивает).* Не садись на чемодан! Куда хочешь, только не сюда!

Матильда *(невинно).* Отчего? Он что, очень хрупкий? *(Встает.)*

Леонида. Нет. Это чемодан Никола. С его личными вещами.

Матильда. Тогда можно отнести его в сторону, а то загораживает весь проход.

Леонида *(отчаянно).* Не прикасайся!

Но Матильда уже подняла его, без всякого усилия. Услышав крик Леониды, ставит чемодан на пол.

Матильда. Почему? Что он, священное писание?

Леонида *(ошеломлен, очень тихо).* Что ты сделала?

Матильда. Ты что, не видишь? Подняла чемодан, хотела перенести его на другое место...

Леонида. А ты можешь опять поднять его?

Матильда (*вновь поднимает чемодан с той же легкостью*). Если тебе захотелось, чтобы я занялась физзарядкой, то ты ошибся: вещи малыша Николы ничего не весят...

Леонида. Этот чемодан – не тяжелый?

Матильда. Можно подумать: он пуст. (*Мягко ставит чемодан на пол.*)

Леонида. Пуст? Да я его еле вытащил из чулана.

Матильда (*смотрит на замок чемодана*). Подожди! А он закрыт на ключ? Нет... (*Поднимает крышку.*)

Леонида (*крестится, говорит быстро*). Святая Мария, мать божья, помолись за нас, бедных грешников...

Матильда (*открыла чемодан*). В нем ничего нет.

Короткая пауза.

Леонида (*неожиданно взрывается*). О, боже! У меня украли покойника!

Матильда. Что у тебя украли?

Леонида. Покойника! У меня украли покойника!

Матильда. Что?

Леонида. Труп!

Матильда. Какой труп?

Леонида. Стоимостью в семьдесят тысяч лир!

Леонида в озлоблении толкает Матильду в левую дверь. Она не может опомниться от услышанного, подчиняется ему.

Матильда. Но, Леонида...

Леонида (*грубо*). Ложись спать. Спальня для девушек там! (*Показывает на комнату, на пороге которой стоит Матильда.*)

Матильда (*входя в комнату*). Он здорово надрался. .. Пьян до чертиков...

Исчезает в комнате, закрывает за собой дверь. Леонида решительными шагами направляется к входной двери, открывает ее, сильно стучит в дверь Антонио, возвращается к себе, оставив дверь открытой.

Леонида (*входит в комнату*). А теперь самое время посмеяться.

Сцена четырнадцатая

Антонио выходит из своей квартиры. Он без куртки, полусонный, застегивает на ходу брюки, входит в квартиру Леониды. Леонида прикрывает за ним дверь.

Антонио (*сонливо, еле ворочая языком*). Ну что еще?

Леонида. Иди сюда.

Антонио. Что случилось, сеньор Леонида?

Леонида. Покойник ушел!

Антонио. Что?

Леонида. Я сказал, покойник ушел! Куда ты его положил?

Антонио. Не я, сеньор Раймондо – в чемодан.

Леонида. В чемодан?

Антонио. В чемодан.

Леонида. В чемодан? Ну-ка, посмотри!

Антонио. Но он закрыт!

Леонида. Да закрыт!

Антонио. Но ключ...

Леонида (*открывает чемодан*). А теперь открыт. Заметь – без ключа.

Антонио подходит к чемодану, смотрит внутрь, затем тупо на Леониду. Леонида вне себя от бешенства.

Антонио (*упавшим голосом*). Дева пресвятая!

Леонида. Труп исчез!

Антонио. Труп исчез!

Леонида. Его надо вернуть!

Антонио *(после колебания)*. Ах, так... значит, вы его вернете?

Леонида *(имитирует фокусника)*. В руках – ничего, в карманах – ничего. *(Прерывисто.)* В чемодане – ничего... *(Меняет тон, рассвирепев, бросается на Антонио, который пытается защищаться.)* Вор!.. Мошенник!.. Ты проник сюда, закрыл меня на ключ, унес покойника, спрятал его, чтобы прикарманить все сто тысяч лир!

Антонио *(горячо)*. Как? Позвольте, сеньор Леонида, это вы меня надули!

Леонида. Что?

Антонио. Вы хотите прикарманить все сто тысяч!

Леонида. Я?!

Антонио. Отдайте мою часть!

Леонида *(пытается ударить Антонио, но тому удается увернуться, забежав за чемодан)*. Твою часть!

Антонио *(бегает вокруг чемодана, крышка которого падает и закрывается)*. Несчастные тридцать тысяч лир!

Леонида *(продолжает погоню)*. Сам ты несчастный! Жулик! Обманщик! *(Внезапно останавливается.)* Где покойник?

Антонио *(тоже останавливается)*. Нет, это вы мне скажите, где покойник?

В это время из комнаты наверху выходит Роберто. Он все еще не пришел в себя, но напуган.

Роберто *(испуганно)*. Папа... папа..... там – покойник...

Леонида *(обрадовано)*. Где?

Роберто. В комнате...

Антонио *(одновременно торжествующе и негодуя)*. А! Так вы отнесли его наверх!

Леонида. Я? Молчи! Заткнись, прохвост! *(Быстро поднимается по лестнице, за ним следует Антонио.)* Роберто, не спускай с него глаз! *(Вопит.)* Это мой покойник!

Леонида и Антонио входят в комнату наверху. Роберто остается на лестничной площадке, он еще не совсем проснулся

. В этот момент Алессандро быстро выбегает из «уголка», где прятался, быстро подбегает к чемодану, открывает его, занимает положенное место, закрывает крышку.

На площадке появляется Леонида, он обращается к Роберто.

Леонида. Где ты видел покойника?

Роберто *(в том же состоянии)*. На кровати, папа.

Леонида *(дает Роберто пощечину)*. Идиот!... Это же дедушка!

Антонио *(тоже выходит из комнаты)*. Он – не покойник. Ему просто девяносто четыре года.

Леонида. И он парализован!

Антонио. И к тому же слабоумный!

Леонида *(Роберто)*. Как ты!

Леонида и Антонио спускаются вниз.

Роберто *(сонно подносит руку к щеке, плаксиво)*. Откуда я мог знать... что у нас слабоумный дедушка... на парализованной кровати... девяносто четырех лет как я? *(Тоже начинает спускаться вниз.)*

Леонида *(с великосветскими манерами)*. Соблаговолите посмотреть, сеньор Антонио. Я вытащу этого покойника как кролика из клетки... подождите минутку. *(Выходит из квартиры, направляется в квартиру Антонио.)*

Антонио. Бросьте, синьор Леонида, покойник у вас. Уж мне-то хорошо известно, где вы его спрятали!

Выходит в чулан. Роберто спускается вниз, покачиваясь направляется к левой двери, открывает ее

Роберто. Мама... тетушка Матильда... Я хочу спать... я хочу спать... где можно прилечь?

Из левой комнаты выходит Матильда. Она готовится Лесь, на ней ночная рубашка, на голове – бигуди.

Матильда. А, и ты здесь? Вернулся, значит... Прекрасно, теперь мы в полном составе! Что тебе надо?

Роберто. Мне нужна кровать... чтобы поспать...

Матильда. Представь – и мне тоже!

Валерия еще не совсем проснувшись, выходит из комнаты в ночной рубашке.

Валерия. Что здесь происходит?

Роберто. Я не могу спать рядом с этим парализованным дедушкой. Я боюсь его.

Валерия. Обратись к своему папочке: это он его там устроил!

Фьорелла, накидывая поверх ночной рубашки пеньюар, тоже выходит из комнаты.

Фьорелла (беспокойно). Мама! Что случилось, синьору Николе плохо?

Валерия. Ему как раз очень хорошо. Пока только он в своем уме.

Антонио (разочарован, выходит из чулана). Ничего... Пусто.

Матильда. А! И он здесь!

Леонида выходит из квартиры Антонио, стремительно возвращается к себе.

Леонида (агрессивно, Антонио). Ну?!

Антонио. А у вас?

Леонида. Я еще не закончил.

Антонио. Я – тоже.

Антонио направляется в левую комнату, а Леонида, продолжая поиски, подходит к «уголку», где спит Никола.

Роберто (жалобно). Папа... я хочу спать...

Роберто с этого момента медленно передвигается по комнате, ияжело поднимая ноги, он безучастен ко всему, что происходит вокруг.

Валерия. Можно поинтересоваться, что вы ищите?

Леонида. Покойника.

Валерия, Матильда, Фьорелла (Вместе с изумлением). Что?

Леонида (с раздражением). Покойника! Неужели не понятно? Вы случайно не видели где-нибудь покойника?

Валерия. Боже! Они оба сошли с ума!

Фьорелла. Папа, что ты говоришь?

Леонида. В чемодане был покойник. А теперь нет.

Валерия. Покойник в чемодане? А кто же он?

Леонида. Очень ценный труп.

Антонио (выходит из левой комнаты с пустыми руками). Алессандро.

Леонида. Слуга.

Антонио. Покойник сеньора Николы.

Матильда (в волнении подходит к чемодану). Тогда в чемодане... так значит, поэтому... Это правда? В чемодане был покойник?

Продолжает говорить, открывает крышку, смотрит внутрь, прерывая реплику, вздрагивает от испуга, что труп в чемодане, но волнение настолько велико, что она не может произнести ни слова. В это время Леонида, не подозревая ничего, хватается Антонио за рукав.

Леонида. Послушай, паразит, в этом доме никогда, слышишь, никогда ничего не пропадало. А это все-таки покойник!

Фьорелла. Папа, тетушке Матильде плохо.

Леонида (*не слушая*). Так что предупреждаю в последний раз...

Антонио. Сеньор Леонида, мне кажется, ваша сестра упадет в обморок...

Леонида (*оборачивается к Матильде, подходит к ней. Она не может двинуться, тяжело дышит, оставаясь у чемодана*). Что с тобой?

Матильда все еще не может вымолвить ни слова, показывает жестом, к ней подходит Антонио.

Фьорелла. Ее надо усадить!

Все пытаются усадить Матильду на чемодан, но она отчаянно сопротивляется, показывая на чемодан, делая испуганные жесты.

Леонида. Ну что там еще? Чемодан?

Леонида поднимает крышку. Оба с Антонио они смотрят внутрь, испуганно опускают крышку и садятся поверх, бледные, не произнося ни слова. Матильда испускает пронзительный крик и падает в обморок на руки Валерии и Фьореллы. В это время Роберто, ходивший по комнате, добирается до «уголка», подходит к кровати, на которой спит Никола.

Роберто (*смотрит на Николу*). Папа... покойник здесь...

Занавес.

Акт третий

Та же декорация

Сцена первая

На следующий день, ближе к полудню. Когда поднимается занавес, из левой комнаты на сцену выходит Илона и Валерия.

Илона. Ах! Как это верно: несчастье никогда не приходит в одиночку.

Валерия. Ну, сеньора, ничего страшного. Недельку-другую проведет у нас.

Илона (*садится*). И все-таки можно подумать, что это злой рок. А он такой чувствительный... только бы не повторился приступ...

Валерия. Я в этом ничего не смыслю. А вот полковник должен привести человека, который наверняка утешит вас.

Илона. Будем надеяться.

Валерия. Ждать теперь недолго. Он давно ушел... полковник!

Илона. Кстати, а где ваш муж?

Валерия (*растерянно*). Мой муж? Э... он... ушел, ему нашли работу... в пригороде.

Илона. Да? Полагаю, об этом позаботился полковник?

Валерия (*также растерянно*). Да... нет..., то есть... не могу сказать точно, надо сказать, что... он занимается... так сказать... вообще... как бы это сказать... словом... об этом лучше не говорить...

В это время из левой комнаты выходит Никола. Он садится в кресло-каталку дедушки. Нога у него в гипсе. Каталку толкает перед собой Фьорелла.

Никола. Видишь, мама? Фьорелла – восхитительна! Смотри, как побрила: лучше, чем в парикмахерской.

Илона (*Николе, заботливо*). Радость моя, если доктор подтвердит, что ты нетранспортабелен, я пришлю сиделку.

Никола. Зачем, мама? Лучше Фьореллы с этим никто не справится.

Илона. Мне кажется, что ты не очень рвешься домой?

Никола *(неуверенно)*. Ну что ты, мама.

Илона. А Раймондо ждет тебя сегодня, чтобы отвезти за город!

Никола. Пусть ждет.

Илона. Да, но он разозлится.

Никола. На мою ногу...

Валерия. Э, разве дело в ноге... *(В дверь стучат.)* А! Вот и доктор!

Илона встает. Она взволнована.

Фьорелла. Ну, так я пойду. *(Выходит в левую комнату.)*

Валерия. Входите!

Валерия, Илона и Никола принимают приличествующий обстановке вид.

Сцена вторая

Дверь открывается. Входит Леонида и Веллуто. Последний играет роль врача, а потому соответствующим образом одет и выглядит весьма профессионально. На нем очки, в руках – портфель, на голове – шляпа.

Вместе с тем видно, что одежда не с его плеча. Он скован, а очки искажают зрение: смотреть через них затруднительно.

Впрочем, он вынужден будет не раз снимать их.

Леонида *(пропуская вперед Веллуто)*. Прошу Вас, доктор, входите. *(Илоне.)*

Сеньора Чибор, позвольте, представить вам профессора Борджия, который, как вам известно, является одним из выдающихся светил в хирургической медицине. Уверен, он непременно утешит вас.

Илона. Рада вас видеть, доктор.

Веллуто *(приветствует)*. Честь имею, сеньора.

Леонида. Нет, доктор, сеньора Чибор там...

Веллуто. Ах! Извините... *(Снимает очки.)* Рассеянность... *(Илоне.)* Честь имею, сеньора. *(Валерии, которая берет у него шляпу, чтобы повесить.)* Сеньора...

Илона. Мне, право, жаль, что мы вас беспокоим, но...

Веллуто. Ну что вы, сеньора. Я в заботах с утра до вечера. Это у меня, знаете ли, халтура...

Леонида *(горячо)*. Натура... да, работа, работа. А как же без нее, когда такая натура... Профессор Борджия, конечно же весьма занят... больница... посещения больных, рабочий кабинет.

Илона. Могу представить, право, доктор! Но это не займет много времени. Я хотела бы только знать, каково состояние моего сына...

Веллуто. Именно поэтому я здесь, не так ли, полковник? *(Вновь надевает очки.)*

Леонида. Совершенно верно. Вы ознакомились с заключением вашего ассистента, который утром был здесь и наложил гипс на ногу этого юноши?

Веллуто. Ознакомился, ознакомился.

Леонида. И прочли его?

Веллуто. Прочел, прочел.

Леонида. И что же?

Илона. Доктор, умоляю, какой диагноз?

Веллуто. Как это?

Леонида. А вы прочтите заключение, доктор. Так будет лучше для всех.

Веллуто. Как это?

Леонида. Медицинское заключение... Ну, тот листок, что лежит у вас в портфеле.

Веллуто. Ах, да? .. Да, конечно! *(Он достает из портфеля листок бумаги, кладет его на стол.)* Итак... *(Снимает очки и читает медленно и мучительно, по слогам, спотыкаясь на каждом слове, которое видит впервые.)* Дис-тор-сия...

Леонида (*Илоне*). Вот видите: дисторсия.

Веллутто (*читает быстрее*). ...наклонного характера в области бедра. (*После короткой паузы также быстро.*) ... В сочетании с продольным... (*Внезапно останавливается.*)

Илона (*беспокойно*). Что-нибудь опасное, доктор?

Веллутто. Нет, это неопасно. Просто неразборчиво. (*Продолжает читать.*) ... в сочетании с продольным, продольным ... перемолом.

Леонида. Ах! С продольным переломом...

Веллутто (*непринужденно*). Да, конечно. (*Как бы извиняясь.*) Хотя вообще то написано «перемолом».

Леонида (*продолжает читать из-за плечу Веллутто*). ... с продольным переломом малой берцовой кости.

Веллутто (*со значительным видом*). Вот именно – кости!

Илона (*с беспокойством*). Ах! Кости... Что же вы об этом думаете, доктор?

Веллутто. Я! Абсолютно ничего.

Илона. Как?

Леонида (*Илоне*). Вот видите!

Илона. Что?

Леонида. Я хотел сказать: доктор говорит – это совершенно неопасно.

Веллутто (*вторит эхом*). Совершенно неопасно.

Илона. Все-таки берцовая кость.

Веллутто. О! Сеньора, берцовая кость – сущие пустяки. Несколько дней – и все, все дело в микробах...

Илона. О боже! Неужели инфекция?

Веллутто. Как?

Леонида. Никакой инфекции, не правда ли, доктор?

Веллутто. А я что говорю!

Илона. Да, но если микробы...

Веллутто (*со значительным видом*). Ныне микробы безвредны. Что могут сделать нам эти крошечные букашки? Да мы их знаем, как свои пять пальцев.

Илона. Как?

Леонида. Между тем, доктор, я полагаю, нам надо сообщить вам причину травмы...

Веллутто. Что?

Леонида. Обстоятельства случившегося... ну, как все произошло.

Веллутто. Конечно. Ну-с, юноша, расскажите мне, как вы упали.

Никола. Ах, доктор, я совершенно ничего не помню...

Веллутто. Как?

Никола. Дело в том, доктор, вчера вечером полковник принес бутылку вина к ужину... а потом...

Леонида (*кричит*). Ну, доктор... всего одну рюмашку... потом другую, а наш Николетто совершенно не умеет пить...

Веллутто. Так он нализался!

Леонида. Захмелел.

Никола. Вот именно, доктор. Захмелел. И мной овладела страшная сонливость. Ну, а когда я проснулся, нога была уже в гипсе. Так что я ничего не помню.

Леонида. Еще бы. Ведь упал с лестницы во сне... к сожалению, весьма неудачно... (*Валерии*.) Не правда ли, сеньора?

Валерия. Ну да! Как мы напугались!

Никола. Странно... я совсем не помню боли...

Веллутто. Разумеется... алкоголь... алкоголь анастативирует.

Леонида (*исправляет его*). Анестезирует! А теперь, доктор, вы непременно сами хотите осмотреть пациента?

Веллито. А это еще кто?

Леонида. Больной. (*Показывает на Николу.*)

Веллито (*подходит к Николе*). А! Так вы – пациент! Молодой человек? Превосходно! Минуточку терпения! Прекрасно! (*Надевает очки.*) Покажите глаз. (*Плохо видит, а потому подходит к Николе вплотную, оттягивает перед глазом юноши кожу, осматривает ее.*) Посмотрите направо, теперь – налево! (*Никола повинуется.*) Так! Вращение глаз прекрасное. (*Оставляет лицо Николы в покое.*)

Леонида. А гипс, доктор, наложен хорошо?

Веллито. Давайте посмотрим. (*Делает вид, что осматривает противовес.*) Так... по-моему эта хреновина...

Леонида. Это устройство, по-вашему...

Веллито. В хирургии говорят «хреновина». Как в политике. Устройства – это в промышленности. Да, ну-с она в полном порядке. (*Снимает очки.*) Что же касается гипса... (*Николе.*) Прекрасно, молодой человек. У вас великолепный гипс. Он совершенно белый.

Илона. Скажите, доктор, а этот несчастный случай не отразится на его здоровье?

Веллито. Как это?

Леонида. Ну, кроме ноги... он чувствует себя неплохо, не так ли?

Веллито. Сейчас посмотрим. (*Николе.*) Покажите язык. Не бойтесь. (*Никола повинуется.*) Прекрасно, молодой человек. У вас замечательный язык. Совершенно белый.

Илона. О Боже! У него белый язык!

Леонида. Уверен, что это – от спиртного.

Веллито. Несомненно. Но самое главное – чтобы он был совершенно белый. (*Надевает очки.*) В случае несчастного случая или болезни самое лучшее – белый язык. Вы только посмотрите в больницах... (*Наставительным тоном.*) Когда имеют место повреждения ног, не надо забывать: самое страшное, если язык зеленый. Все остальное – брехня. (*Николе.*) Высунь-ка язык побольше. (*Он отходит, кладет свои очки на стол, возвращается к юноше, наклоняется, но сильно двигает его ступню.*) Больно?

Никола (*продолжает показывать язык, отвечает с затруднением, как может.*) Нет... совершенно...

Веллито (*встает*). Совершенно? Прекрасно. Еще побольше покажите язычок. (*Валерии.*) Прошу вас, сеньора, подайте чайную ложку.

Никола (*убирает язык*). Доктор, горло у меня не болит.

Веллито. Кто знает, юноша? Надо всего остерегаться. Начинается с берцовой кости, а заканчивается перитонитом.

Валерия (*приносит Веллито чайную ложку*). Вот, доктор, ложка. Прошу вас.

Веллито. Бесплезно, сеньора. Дайте-ка ему лучше вилку и нож. И бифштекс побольше. Знаете такой – на троих. (*Леонида щиплет его за руку.*) Нет, на шестерых, на семерых!

Илона. Он нуждается в обильном питании?

Веллито. Да, сеньора. Ему одному столько, сколько целой семье. И будьте спокойны. Все будет чудесно: через сорок дней он будет прыгать как кенгуру.

Илона. О, доктор, благодарю вас. Право, не знаю, как вас благодарить. Я так взволнована... Так что, можно перевезти Николетто сию же минуту домой?

Леонида. Как?

Веллито. Как?

Валерия. Как?

Короткая пауза.

Никола. Как?

Илона. Я говорю, можно...

Веллито. Ах! Нет, конечно... Что вы, нет! Ни в коем случае! Ни за что! Это весьма опасно! Передвижение может повредить устройству... *(Вспоминает.)* Хреновине!... Нет, нет! Берцовая кость, пусть даже малая... Что вы?! Что будет с бедром! Это же грозит лихорадкой! И потом язык... он станет разноцветным... О Боже! А вращение глаза... можно просто окосеть... Нет, это исключено! Я просто запрещаю передвигать его. Иначе я ни за что не отвечаю!

Леонида *(Илоне)*. Мне жаль, сеньора. Но как вы могли убедиться, наука подтверждает то, что я уже сказал вам.

Илона *(расстроенная, Веллито)*. Но через сорок дней, доктор...

Веллито. Даже быстрее, сеньора. Вы увидите, что...

Леонида *(злбно, прерывает его)*. Скажем, через тридцать семь!

Веллито. Вот именно. Или через тридцать семь и два, если хотите. При условии, если не будет температуры. Где моя шляпа? Прошу прощения. Мне пора. Мой портфель... Меня ждут в пивн...

Он собирается сказать в «пивной», но Леонида перебивает его.

Леонида. В больнице!

Веллито. Вот-вот. В больнице. *(Прощается с Илоной.)* Сеньора...

Илона. Доктор... позвольте спросить, каков гонорар?

Веллито. Гоно... Что? О сеньора, я к вашим услугам в любое время суток.

Илона. Нет, нет. Я имела в виду гонорар.

Леонида. Стоимость вашего посещения, доктор...

Веллито. Триста... наличными!

Илона. Что?

Леонида. Триста лир за такси, а посещение – двадцать тысяч лир, не так ли?

Веллито. Как это?

Леонида. Разве не двадцать тысяч?

Веллито. Двадцать тысяч?! Ах, да, да, да... разумеется... двадцать тысяч... Вот именно... Двадцать тысяч...

Илона *(платит)*. Вот, доктор, пожалуйста. Благодарю вас. Весьма признательна, право.

Веллито. Как это? Это я благодарен вам! К вашим услугам, сеньора. В любое время, когда случится нужда, прошу ва... и не только с ногами! Я готов на все! Руки, желудки, зубы...

Леонида *(прерывает его)*. Прощайте, доктор. Весьма признателен вам.

Никола и Илона. Спасибо, доктор. До свиданья.

Веллито. До свиданья, сеньора. *(Уверенно направляется к двери.)*

Валерия. Доктор! Ваши очки! *(Протягивает ему очки, оставшиеся на столе.)*

Веллито. Ах!.. рассеянность, знаете ли... благодарю вас.

Веллито подходит к Валерии, она протягивает ему очки. Он надевает их. В это время Леонида открывает двери. Веллито наталкивается на нее, не видя, что она открыта.

Леонида *(указывая ему на выход)*. Сюда, доктор, прошу вас...

Веллито. Простите... извините... спасибо... *(Он выходит и Леонида закрывает за ним дверь.)*

Сцена третья

Леонида *(подходит к Илоне)*. Ну-с, вот и успокоились, сеньора.

Илона. А что, этот доктор... он действительно – знаменитость?

Леонида. Один из наших ведущих специалистов, сеньора.

Илона. Такой странный.

Леонида *(спокойно соглашается)*. Странный, да. Как все наши великие хирурги.

Илона. Он, кажется мне даже несколько вульгарным.

Леонида. Да. Как все великие ученые. Великие ученые, сеньора, постоянно живут, так сказать, на острие мысли. Так что порой они испытывают необходимость в разрядке. Вот и случается, что нет-нет, да и позволят себе бранное слово. Таким образом, достигается определенное равновесие. А это крайне необходимо.

Илона. Весьма разумно, полковник.

Леонида. А я, сеньора, наблюдателен. Знаете, специальность у меня такая.

Илона. Как?

Леонида. Профессия светского человека... *(Во время этой реплики Леониды входит Матильда.)*

Матильда *(весьма растерянная при виде Илоны)*. Здравствуйте...

Леонида. Добрый день, сеньора.

Илона. Здравствуйте, сеньора. *(Николе.)* Ну, ладно, Николетто, мне пора возвращаться домой. Раймондо теперь заждался. Он ведь не знает о несчастном случае... Прошу тебя, милый, будь осторожен. *(Обнимает Николетто.)*

Никола. До встречи, мамочка!

Илона. До встречи, Николетто. Я приеду после обеда. *(Направляется к двери.)* Полагаю, полковник, и вам пора.

Леонида *(растерянно)*. Нет. Мне еще надо здесь кое-что уладить. *(Провожает Илону до двери.)*

Илона. Я так и думала. До свиданья. *(Уходит.)*

Леонида, Матильда и Валерия. До свиданья, сеньора.

Леонида закрывает дверь, подходит к Матильде. Они стоят в стороне от других.

Леонида. Ну?

Матильда. Видели, как он выходил.

Леонида. Кто видел?

Матильда. Витторио. Он прикинулся, что разносит газеты.

В дверь стучат.

Дверь приоткрывается и чья-то рука протягивает горшок или букет цветов.

Одновременно голос произносит реплику.

Голос *(на лестнице)*. Сеньоре Фьорелле Папагатто.

Валерия направляется за горшком или букетом. Рука исчезает.

Валерия. Спасибо.. *(Закрывает за собой дверь и зовет.)* Фьорелла! Тебе цветы! Что это значит?!

Фьорелла *(выходит, берет цветы)*. Мне?

Никола *(растерянно)*. От меня... вчера вечером я просил маму прислать их... думал, что они будут доставлены, когда меня уже здесь не будет...

Фьорелла. Какая прелесть!

Валерия. Вы балуете ее, сеньор Никола.

Фьорелла. Благодарю вас, сеньор Никола. Мне никогда не дарили цветы...

Фьорелла с помощью Валерии ставит цветы в вазу. Не успела Фьорелла произнести свою реплику, как из окна доносится характерный свист с улицы.

Матильда *(в сторону Леониды)*. Ага, это – Роберто.

Леонида. Ладно, я иду. *(Николе.)* Извините меня, дорогой Никола. Мне пора идти. Встреча в административном Совете Ассоциации владельцев недвижимого имущества.

Никола. Конечно, полковник. Еще раз благодарю вас за все, что вы для меня сделали.

Леонида. Ну что вы, пустяки... *(Снова раздаётся свист.)* Ну, совет уже свистит... *(Исправляется.)* Уже ждет. Пора!

Валерия протягивает Леониде шляпу и трость.

Валерия *(вполголоса, Леониде).* А этот... ну, Антонио, объявил голодовку...

Леонида *(рассеянно, тоже вполголоса).* Кто?

Валерия. Ну, этот окорок, которого ты связал в сосиску и закрыл в чулане. Совершенно ничего не ест.

Леонида. И ладно. Пусть расходует внутренние запасы. Нам же экономия! *(Выходит со значительным видом.)*

Все. До свиданья, полковник.

Валерия подходит к буфету, достает блюда с приготовленной пищей.

Никола. Полковник – неподражаем. Как держится! И он – немножко романтик.

Валерия. Да... Ночью можно было подумать юный Вертер в лунном свете.

Никола. Отчего?

Матильда. Ах! Сеньор Никола, а ведь я тоже – натура романтическая! Этакая, знаете ли, бледность лица... кринолин Верди... Гарибальди...

Валерия *(протягивает ей блюда, которое достала из буфета).* Вот рожки. Заставь его поесть.

Матильда с блюдом в руках выходит в чулан.

Фьорелла. Мама, а что если мы поставим пластинку? Ты не рассердишься?

Валерия. Нет, нет. Вовсе нет. Впрочем, я пошла к себе. Надо прибрать комнату.

Валерия поднимается в свою комнату, закрывает за собой дверь. Фьорелла ставит пластинку, все ту же. Возвращается к Никола, неподвижно сидящему в кресле.

Сцена четвертая

Играет музыка. Фьорелла подходит к Никола.

Фьорелла *(грациозно, с легкой иронией).* Сеньор... разве вы не пригласили меня на этот танец?

Никола *(улыбается, берет ее за руку, пробует привлечь к себе).* Дорогая...

Фьорелла *(счастливая, но от ласки уклоняется).* Николетто! Осторожней! Нас могут увидеть...

Никола. Я не могу двигаться. А ты этим пользуешься.

Фьорелла подходит к Николе. Он привлекает ее к себе и они нежно целуются.

Неожиданно Фьорелла освобождается от его объятий, отходит в сторону, серьезно смотрит на молодого человека, колеблется. Никола удивленно и вопросительно смотрит на нее. Фьорелла останавливает пластинку.

Фьорелла *(вновь подходит к Николе).* Послушай, Никола... Мне надо сказать тебе кое-что...

Никола. О Боже! Какой серьезный вид!

Фьорелла *(садится на пол).* Слушай... Тот, кого ты считаешь моим отцом, вовсе мне не отец...

Никола. Как! Сеньор Леонида – не твой отец!

Фьорелла. Отец. Но сеньор Леонида – не тот, о ком ты думаешь.

Никола. И кто же сеньор Леонида?

Фьорелла. Полковник. Понял?

Никола. Нет.

Фьорелла. Так вот, это профессия моего отца.

Никола *(перебивает ее).* Он – полковник?

Фьорелла. Нет, он – гость.

Никола. Чей гость? *(В это время открывается дверь чулана.)*

Фьорелла (*тихо*). Подожди!

Матильда выходит из чулана с блюдом, к которому так никто и не прикоснулся. Она медленно направляется к своей двери, разговаривает сама с собой, не обращая внимания на влюбленных. Они в это время разговаривают вполголоса. Фьорелла продолжает объяснять Николе, что же представляет из себя ее отец.

Матильда (*про себя, направляясь к левой двери*). Ну и хам! Такие рожки! Вот уж действительно болван. Леонида прав... Странно, мне его все-таки жаль... (*Останавливается.*) Мне его жаль. (*Принимается за рожки. Вновь трогается с места, поглощая содержимое блюда и произнося реплики между глотками.*) Ах! Как я романтична! Нет, ну как! Луна... Звезды...

Неожиданно останавливается, услышав свист с улицы.

Потом свистят еще два раза, но уже ближе.

Ах! Вот и он... Вот и он...

Продолжает держать блюдо с рожками, быстро выходит в левую дверь. В этот момент Никола, понявший, наконец, что ему объясняла Фьорелла, взрывается от смеха.

Фьорелла (*инстинктивно*). Тсс! (*Заметив, что они снова наедине.*) Ты не обиделся?

Никола. Да нет, напротив. Полковник (*Исправляется.*) Прости, твой отец... мне еще больше нравится. Каков актер!

Фьорелла (*искренне*). Нет. Просто умный человек и очень добрый. Он немного злоупотребляет доверием. Которое ему оказывают, но лишь для того, чтобы помочь нам в нужде... Я просто обожаю его!

Никола. Я тоже!

Он притягивает Фьореллу к себе, снова обнимает ее. Фьорелла счастлива и не противится ласке любимого. В этот момент в дверь стучат. Оба подсакивают от неожиданности. Фьорелла быстро отходит от кресла, в котором сидит Никола. В комнату входит Раймондо. Он чем-то озабочен.

Сцена пятая

Фьорелла. Здравствуйте, сеньор Раймондо.

Раймондо (*не ответив, обращается к Николе*). Что это еще за история с ногой?

Никола. Фьорелла с тобой поздоровалась.

Раймондо (*без всякого желания, поспешно отвечает Фьорелле*). Здравствуй, здравствуйте,... извините, но... (*Николе.*) Ты не знаешь, сегодня я должен отвезти тебя в деревню.

Никола. Но я сломал ногу. Видишь? Так что вынужден остаться здесь.

Раймондо. А я не хочу, чтобы ты здесь оставался. Это становится все более опасным. Не уверен, что этот идиот полковник уже не привлек к дому постороннего внимания. Так что собирайся и пошли со мной.

Никола. Врач запретил мне двигаться.

Раймондо (*взрывается*). Я изо всех сил стараюсь вытащить тебя из этой грязной истории, а ты, видишь ли, сломал ногу!

Никола. Это не моя вина.

Раймондо. Но и не моя! Я успокоюсь только тогда, когда ты будешь в надежном убежище, которое я для тебя нашел.

Матильда (*выходит из левой двери*). Извините, сеньор Раймондо, за вмешательство, но Николу нельзя отвинчивать от кресла.

Раймондо (*высокопарно исправляет*). Сеньора Николу!

Матильда (*исправляясь, но не придавая этому большого значения*). Сеньор Никола не должен покидать кресла.

Раймондо. Сеньора, мне жаль, но я не спрашивал вашего мнения.

Матильда. А я вам его сказала.

Раймондо (*Николе*). Я – твой опекун и ты должен мне повиноваться.

Матильда. Он должен слушаться врача.

Раймондо. Но это же полная безответственность. Ты только что убил человека!

Матильда. Случайно.

Фьорелла. Да, случайно. Даже если это обнаружится, кто посмеет осудить его?

Раймондо (*разозлившись*). Да что вы раскудахтались! Замолчите, Бога ради!

Никола. Ты не имеешь права оскорблять девушку!

Матильда. Вы не имеете права нас оскорблять!

Раймондо (*делает большое усилие, чтобы успокоиться*). Мой маленький Николетто. Неужели ты не понимаешь, что им надо? Эти люди думают лишь об одном: удержать тебя как можно дольше, чтобы вытянуть из нас побольше денег. Каждый день – это дополнительный расход. Но каждый новый день – это и большая опасность. Пошли же Никола! (Входя в раж.) Кто их знает! Может, они уже решили выдать тебя полиции? (*Злобно*.) Это же мерзавцы!

Фьорелла (*кричит от возмущения*). Никола!

Матильда (*Раймондо*). Сами вы – мерзавец! Шакал, вот вы кто!

Раймондо. Что?!

Матильда (*театрально-трагически*). Молчите, Калигула!

Сцена шестая

Леонида (*открыв дверь, наблюдает за ними*). Пожалуйста, поспокойнее. Что означает сей беспорядок?

Раймондо. Вас-то нам и не хватало. Прекрасно. А что вы хотите?

Леонида. Прежде всего, что я не хочу. Я не хочу слышать этот истерический крик, оскорбляющий приличный тон и мои евстахиевы трубы. Кроме того, я хотел бы знать, почему эта старая общипанная ворона...

Матильда. Кто это – ворона?!

Леонида. Не понял.

Матильда. Молчу.

Леонида (*продолжает*). Почему эта старая общипанная ворона до такой степени забывает о классовых различиях и позволяет по отношению к светскому человеку...

Матильда. Шакалу!

Леонида. Не понял?!

Матильда. Молчу!

Леонида (*продолжает*) ... позволяет по отношению к светскому человеку использовать столь мало изысканные выражения.

Матильда. Но...

Леонида. Молчи, анархистка!

Раймондо. Полковник, благодарю вас за вмешательство. Какая наглость! Эти люди пытаются отомстить за то добро, которое мы сделали для них.

Никола. Отомстить за себя!

Раймондо. Он прав. Милейший друг, к чему метать бисер перед свиньями.

Матильда. Перед свиньями?!

Леонида. Не понял?!

Матильда. Молчу.

Леонида. Перед свиньями. А они норовят растоптать его. (*Пауза.*) Пролетарии!

Раймондо. Я пытался объяснить им, что кузен подвергает себя смертельной опасности, оставаясь в этом доме.

Леонида. Весьма справедливо.

Раймондо. Видишь, милый Николетто, полковник разделяет мое мнение. Сломана нога или нет, тебе совершенно необходимо незамедлительно покинуть этот дом. Не так ли, полковник?

Леонида (*спокойно*). Не думаю.

Раймондо (*удивленно*). Как?

Леонида. Не думаю.

Раймондо (*с возмущением*). Да вы смеетесь надо мной?!

Леонида (Так же спокойно). Что вы.

Раймондо (*со злобой*) Ах, с меня довольно этих комедий. Хватит, полковник! Не вмешивайтесь не в свои дела! Вы – выскочка!

Леонида (*спокойно Фьорелле*). Милейшая, освободите комнату от вашего присутствия. Мне надо поговорить с сеньором.

Раймондо (*в бешенстве*). А я не хочу с вами разговаривать!

Фьорелла толкает перед собой кресло, увозит Николу. В левую комнату.

Матильда следует за ней.

Раймондо (*распаляясь при виде маневра, который происходит вопреки его воле*). Никола!... Никола!... Останься здесь, Никола! Останься здесь!

Не слушая его, Фьорелла, Никола и Матильда покидают комнату.

Леонида и Раймондо остаются наедине.

Сцена седьмая

Леонида. Так. Теперь вы хотите, чтобы он остался здесь. Я рад, что вы изменили свое мнение.

Раймондо. Я не изменил мнения! Подите прочь! Да я выставлю вас вон! Где сеньор Папагатто?!

Леонида. Полагаю, недалеко.

Раймондо (*отворачиваясь от Леониды*). Я жду его!

Леонида. Прекрасно. В ожидании, можете выслушать меня...

Раймондо. Нет.

Леонида. Я понимаю ваше раздражение, милейший сеньор Раймондо. Совершенно очевидно, что репутация вашей семьи под вопросом. И потом беспокойство преследует вас. Подумать только: в пять часов утра вы явились в этот дом и вам не открыли? Вы приходили за чемоданом, не правда ли?

Раймондо удивленно поворачивается к Леониде.

Раймондо. О чем это вы?

Леонида. Ну, об одной истории. О слуге-дворецком.

Раймондо (*бледный*). Но... так, полковник. А какую роль играете вы?

Леонида. Именно это я и хотел вам объяснить. Теперь вы соблаговолите выслушать меня?

Раймондо. Я... Полковник... У моей семьи связи... если вам нужна поддержка... знаете, мало ли что бывает...

Леонида. Допустим, надо найти чемодан. Вы чрезвычайно любезны... (*Он хлопает в ладоши и кричит.*) Выходите!

Дверь открывается. Роберто и разносчик газет входят с чемоданом, закрывают за собой дверь. Раймондо подпрыгивает.

Леонида (*носильщикам чемодана*). Поставьте багаж сеньора рядом с ним.

Роберто и разносчик газет ставят чемодан около Раймондо.

Он инстинктивно отходит в сторону.

Леонида (*Раймондо*). Не бойтесь. В нем ничего нет.

Роберто и разносчик газет проходят вглубь комнаты.

Раймондо. Что это за комедия, наконец? К чему вы клоните?

Леонида. Немного терпения, милейший друг. Начнем с начала. Впрочем,... немного пофантазируем! Начнем со среды. Среда в моем рассказе весьма почтенная: высшее общество нашего города, словом ваша среда. Итак, в одной благопристойной семье из этой среды... почтенной среды... есть сеньор...ему около тридцати пяти лет... как вам... приятной наружности... как вы... и этот сеньор однажды покупает револьвер... Семейный особняк, совершенно роскошный, находится немного на отшибе. И совершенно естественно желание этого сеньора иметь револьвер. (*Внезапно он достает из кармана револьвер и направляет его на Раймондо. Тот испуганно пятится.*) Не бойтесь! Он не заряжен. Во всяком случае, мне так кажется.. надо сказать, не он был использован в моей истории: этот – лишь символ, образ, наглядное пособие... Добавлю, что сеньор, о котором я вам рассказывал живет в этом семейном особняке вместе с тетушкой и своим кузеном, опекуном которого он, кстати, является. Молодой кузен – натура сверхчувствительная. (*Роберто.*) Сеньор Роберто, а не сыграть ли вам роль сверхчувствительного кузена?

Роберто. Конечно, полковник.

Леонида. Тогда садитесь и напевайте что-нибудь веселое.

Роберто садится и напевает вполголоса.

Роберто. Тра-ля-ля, тра-ля-ля,... ля-ля...

Леонида. В тот день тетушка, т.е. матушка сверхчувствительного кузена ушла. Что же касается сеньора, ну, опекуна, если позволите, его роль сыграю я. Итак, сцена: я вхожу...

Разыгрывая сцену, обращается к Роберто с сердечной нотой в голосе.

Как дела, дражайший кузен?

Роберто (*тоже играя, прерывает песню*). Неплохо, дорогой кузен.

Леонида. Посмотри, какой я только что купил револьвер. Хорош, правда?

Роберто. О да, дорогой кузен. Он просто замечателен.

Леонида. Прелесть, да? Хочешь попробовать?

Роберто (*разыгрывая беспокойство*). Знаешь, дорогой кузен... огнестрельное оружие... я его всегда немного боюсь...

Леонида. Ну, дражайший, ты же мужчина. Надо уметь владеть собой. Взгляни на календарь. (*Целится в календарь, висящий на входной двери, делает вид, что стреляет.*) Пах!...Пах!... Попал в десятку. Теперь твоя очередь, дорогой кузен.

Роберто. Ах, право, дорогой кузен, ты думаешь...

Леонида. Ну да, дражайший кузен, попробуй!

Роберто встает, берет револьвер, который протягивает ему Леонида, целится в дверь, как Леонида. Но во второй раз слышится выстрел. Револьвер действительно выстрелил. Раймондо подпрыгивает. Календарь падает, дверь открывается, и в проеме появляется мужчина в одежде Алессандро с кровавым пятном на груди. Он падает и неподвижно лежит на полу.

Раймондо (*захлебываясь от спазм в горле*). Это подло!

Сцена восьмая

Привлеченные выстрелом, появляются Матильда и Валерия, одна – из левой двери, другая – на лестнице, из спальни наверху.

Матильда (*притворно с удивлением*). Что это за выстрел?

Валерия (*также притворно*). О! Что вы наделали!

Роберто (*продолжает играть комедию*). Это ужасно. Я не знал, что он заряжен! Я убил человека!...

Подбегает к двери, как будто хочет убежать. Затем внезапно останавливается, облокотившись о дверной наличник. Он заканчивает свою роль в комедии. В это время Фьорелла вкатывает в комнату Николу.

Никола (*обезумев, при виде окровавленного человека в костюме слуги, лежащего на полу*). Алессандро! Алессандро!

Раймондо (*живо*). И вам не стыдно воспроизводить здесь эту мучительную сцену! (*Стремительно направляется к двери.*) Я не останусь здесь ни одной минуты!

Но, подойдя к двери, Раймондо сталкивается с иронически улыбающимся Роберто и разносчиком газет. Короткая немая сцена. Раймондо отступает, остается в комнате.

Леонида (*лежащему на полу человеку*). Вставай, Веллутто. Роль трупа подошла к концу.

(Лежащий на полу человек, который действительно оказывается Веллутто, облаченный в костюм Алессандро, спокойно встает в то время, когда Леонида уже обращается к Николе.)

Вы ошибаетесь, синьор Никола. Это – не Алессандро. Это – мой друг Веллутто, который только что притворился мертвым, точно повторяя действия Алессандро, поскольку ваш револьвер также был заряжен холостым патроном.

Никола (*очень взволнованно*). Холостым... я...

Фьорелла (*кричит*). Так значит Алессандро не умер!

Леонида (*Николу*). Алессандро в полном здравии. Прошлой ночью мы обнаружили его в этом чемодане, действительно под видом покойника, но не совсем обычного покойника, я хочу сказать – живого покойника...

Матильда. Ой! Пьеса есть такая. ... русского одного... такая прелесть!

Никола. В этом чемодане? Да разве можно?

Леонида (*обращается к Веллутто*). Веллутто, ты у нас все знаешь. Что же это за чемодан?

Веллутто. Так вот, в этом чемодане просверлено двадцать семь маленьких отверстий, что позволяет свободно дышать, находясь внутри.

Леонида. Что вы об этом думаете, сеньор Раймондо?

Раймондо. Чепуха! Вы ненормальный! Вам место за решеткой! Пустите меня...

Никола (*все еще в испуге*). Но... это ужасное пятно крови... Это кровь Алессандро...

Леонида. В таком случае, Никола, вы убили теленка, так как анализ этого пятна указывает на то, что кровь принадлежит теленку. Отсюда вытекает: или это кровь не Алессандро, или Алессандро родился от коровы.

Никола (*пытается связать все вместе*). Что же это... Раймондо... что это значит?

Раймондо. Не слушай этих гнусных людей, Николетто. Они хотят выкачать у нас деньги. Я тебе уже говорил. Пошли отсюда!

Никола (*Леониде*). Но почему, полковник, почему... Алессандро? Зачем Алессандро эта комедия?

Леонида. За один миллион. Половину он уже получил.

Никола. Пятьсот тысяч лир?!

Леонида (*утвердительно*). Пятьсот тысяч лир.

Никола. И кто же дал деньги за эту глупейшую выходку?

Леонида. Вы.

Никола. Кто?

Леонида. Я говорю: вы.

Фьорелла (*потрясенно*). Никола!

Леонида. Прошлой ночью из чемодана вышел лжепокойник, чтобы разыграть перед вами приведение. Он переполошил весь дом...кроме вас!

Валерия (*улыбается*). Благодаря гарденалу.

Леонида (*с горечью*). Благодаря гарденалу. Хотя Алессандро должен был предстать исключительно перед вами. Забавно...

Фьорелла (*пылко*). И сеньор Никола расплачивается за это!

Леонида. Успокойся, дитя мое. Никола платил, ничего не подозревая. Мне кажется, вы сверхчувствительны, дорогой Николетто. Необычайное ночное явление вашей, так сказать, жертвы должно было заставить вас потерять рассудок, и вас объявили бы неспособным распорядиться собственным имуществом. Именно этого и хотел ваш дражайший кузен и опекун, поскольку, если верно, что вы не достигли еще совершеннолетия, также верно и то, что вы достигните его через месяц. К этому времени придется дать отчет об опекунстве, что представится крайне затруднительным для сеньора Раймондо. Ведь он – игрок. А большая часть принадлежащего вам состояния проиграна под чистую. Вот почему он затеял это дело. Чтобы загнать вас в угол. (*Раймондо.*) Сеньор Раймондо, пятьсот тысяч лир, которые вы отдали Алессандро, взяты из того, что осталось от состояния Николы. (*Николе.*) Словом, юноша, как я уже сказал, не ведая того, вы сами оплатили приведение... Но оно, увы, в самый ответственный момент оказалось не на высоте, забыв закрыть за собой чемодан. Оно обнаружило себя.

Никола. Невероятно. Раймондо... ты... ты не мог этого сделать. Не могу в это поверить!

Раймондо. Ты не должен этому верить! Уверяю тебя, Николетто, все это – коварные измышления этого негодяя. (*Леониде.*) Вы... у вас богатое воображение, но нет доказательств.

Леонида. У меня есть вещественные доказательства. (*Показывает на чемодан.*) Двадцать семь дырочек... замок...

Раймондо. Пусть даже кто-то был в этом чемодане. Кто может доказать, что это был Алессандро? Кстати, где он, Алессандро? Превосходная история, но у вас недостает главного героя!

Леонида. А его ливреи вам недостаточно?

Что ж, верно. Придется показать последнее вещественное доказательство. (*Хлопает в ладоши.*) Внесите этого болвана.

Матильда и Веллито направляются на чердак и втаскивают в комнату Антонио, который связан как сосиска.

Раймондо (*растерянно*). Сеньор Папагатто!

Леонида (*Матильде и Веллито*). Распакуйте.

Веллито и Матильда развязывают Антонио.

Раймондо. Сеньор Папагатто! Как вы позволяете с собой обращаться?! И как вы позволяете командовать у себя дома этому бандиту? (*Решительно указывает на стоящего Папагатто.*) Так знайте же, этот человек- любовник вашей супруги!

Все смеются.

Антонио (*растерянно*). Ух...

Раймондо. И это все?

Антонио (*также растерянно*). Дело в том... я, знаете ли, я – не Папагатто... Сеньор Папагатто – он.

Показывает на Леониду.

Раймондо. Он? Полковник? Что? Ну, знаете... что за бред? Вы что, все – из полиции? У, фараоны! (*Антонио.*) А вы! Вы тоже против меня? Я же дал вам двести тысяч лир.

Леонида (*взрывается*). Сколько?! Двести ?! (*Антонио*.) А ты мне сказал: сто! У, негодяй, ты хотел обокрасть меня, паразит проклятый!

Поднимает руку в угрожающем жесте.

Фьорелла. Папа, прошу тебя, успокойся!

Леонида. Хорошо. Мы еще поговорим об этом. (*Раймондо*.) Сеньор Раймондо, этот последний аксессуар засвидетельствует, что он болван, так как он проворонил Алессандро. Да, я признаю, что Алессандро сбежал. Но я полагаю, что соответствующие вещественные доказательства, а именно: ливрея, чемодан и болван – вполне достаточно. Вам больше нечего сказать?

Раймондо молчит.

Никола. Так значит, это правда... убийца! О, если бы я мог двигаться, я бы тебе показал!

Леонида. А кто вам мешает двигаться? Нога у вас в порядке. Да и пьяным вы никогда не были. Мы наложили гипс на совершенно здоровую ногу, когда вы спали, приняв гарденал. Чтобы вы не ушли отсюда. Извините, но это было единственным средством вырвать вас из когтей вашего любезного опекуна и кузена.

Никола (*забавно поднимает ногу в гипсе*). Что ж, спасибо вам и за это... (*Он поднимается и направляется по мере возможности к Раймондо*.) А теперь...

Фьорелла. Нет! Нет! Никола! Остановись!

Никола. Хорошо. (*Раймондо*.) Вон отсюда! Я не выдам тебя - семью жаль... Но чтобы я тебя никогда больше не видел в этом городе! Никогда!

Раймондо. Как хочешь.

Раймондо берет шляпу, надевает ее, направляется к выходу. Когда он собирается выйти, разносчик газет сбивает с него шляпу.

Леонида. В квартире Леониды Папагатто выявляются даже преступники!

Раймондо поднимает шляпу и выходит.

Сцена девятая

Общая атмосфера разряжается. Вздохи облегчения.

Разносчик газет. Я свободен, сеньор Леонида?

Леонида. Минутку... Навоз мы выбросили, но зловоние осталось. (*Антонио*.) Так значит, двести тысяч! Каналья!

Антонио (*растерянно*). Дело в том...

Леонида. Вор!

Антонио. Сеньор Леонида...

Леонида. Паразит...

Антонио. Я вам...

Леонида. И в довершение всего этот предатель, эта дрянь – у-у! – прошляпил Алессандро!

Антонио (*оправдывается*.) Но это неправда. Зачем же так говорить?!

Леонида. Молчи, сморчок! А теперь – растворись, испарись, прочь отсюда! Чтоб я тебя больше не видел в своем доме? Понял?! (*Разносчику газет и Роберто*.) Витторио и ты, Роберто, выбросьте это на лестницу! А мебель, его мебель – в окно! Вам понятно?

Антонио (*которого Роберто и разносчик газет вытаскивают из комнаты*.) Нет!.. Нет!... Мебель не надо! Не надо мебель! Она не моя! Она принадлежит медсестре с третьего этажа!

Матильда. Ничего, на улице подберет. У, сутенер несчастный!

Антонио, Роберто и Витторио выходят. На лестнице раздаются шум и крик.

Валерия закрывает дверь.

Фьорелла (*Леониде*). О, папа! Ты был великолепен! (Николе.) Вот видишь, Николетто, какой папа умный. Я ведь тебе говорила.

Леонида (*прислушивается к последним словам Фьореллы*). Минуточку? Что это значит?

Фьорелла. Ну да, папа, я ему говорила.

Леонида. Прекрати изворачиваться. Что это значит? Я спрашиваю тебя, что это за манера называть на ты сеньора Николу?

Никола (*растерянно*). Полковник... (*Исправляется*.) Простите, сеньор Папагатто, дело в том... видите ли... мы любим друг друга... так что...

Леонида. Вы не теряли времени даром.

Никола. Но это весьма серьезно. Знаете... если позволите... я скажу маме, чтобы она пришла к вам... потому что вот... я хочу жениться на Фьорелле.

Матильда. Боже! Фьорелла, ты слышишь?! Он хочет на тебе жениться! В последнем акте всегда так... Или один из влюбленных умирает и тогда другой, когда занавес опускается...

Валерия (*заканчивает фразу*). Убивает себя.

Матильда (*удивленно*). Ты знаешь пьесу?

Фьорелла (*горячо*). А мы – мы не хотим умирать, тетушка Матильда! Мы хотим пожениться!

Леонида. Спокойно! Сеньор Никола, я весьма взволнован... и чрезвычайно польщен. Право, вы оказали нам высокую честь, мне и всей нашей семье.

Никола. Так значит, вы даете свое родительское согласие?

Леонида. А. Нет.

Все крайне удивлены.

Фьорелла. Папа!

Матильда и Валерия. Но, Леонида...

Леонида. Нет. Вы встретились с Фьореллой в крайне необычной обстановке. Она заботилась о вас, была к вам внимательна. Я не удивлен, что она вызвала у вас это чувство... которое, быть может, называется любовью. Но его, чувство, необходимо проверить. Боюсь, вы видите в ней.. как бы это сказать... нечто большее, чем она есть на самом деле... ступайте к себе, в свою среду, и чуть позже вам станет все ясно.

Никола. Чуть позже я просто приду к вам просить ее руки.

Леонида. Ладно, а пока снимите гипс. Пора возвращаться к себе. Фьорелла вас проводит.

Никола. Хорошо, но не удивляйтесь, если завтра я вернусь, и потом каждый день...и буду просить о том же. Ты поможешь мне, Фьорелла?

Фьорелла. Мой Николетто...

Выходят в левую дверь.

Веллутто. Мои поздравления, сеньор Папагатто. Вскоре вы породнитесь со знатным сеньором.

Леонида. Не пори чушь.

Матильда. Но ведь правда же! Если ты согласишься, мы станем знатными. И я – тоже!

Леонида. Ну, у тебя-то фамильный вензель уже есть, даже два. С одной стороны – «М», с другой «Ж».

Матильда. О!

Леонида. Веллутто, кресло освободилось. Можешь увозить дедушку.

Веллутто. А он еще жив?

Леонида. Надеюсь.

Веллутто. Что-то он не поет...

Леонида. Обнаружилось, что набалдашник зонтика Матильды производит такой же эффект что и жевательная резинка. Не так сладко, но зато дешево. Подожди, я дам тебе тысячу лир за наем.

Веллито (*смущенно*). Э... сеньор Леонида... тысяча лир за четыре часа, А он у вас уже сутки!

Леонида. Хорошо. Сколько ты хочешь?

Веллито. Не знаю. Схожу спрошу.

Леонида. Сходи. Сколько надо, я заплачу.

Валерия. Смотри-ка! Уж начал сорить деньгами. Не успел отказать жениху из высшего общества и уже распетушился! Да-а! Что будет, если Роберто возьмет в жены английскую королеву?

Леонида. Дедушка ждет тебя, Веллито.

Веллито. Хорошо. Я мигом освобожусь. Вот, подарите моему будущему зятю в качестве свадебного подарка. (*Передает Леониде какой-то предмет.*) Даже если они не поженятся, влюбленные меня умиляют.

Леонида. Это?

Веллито. Часы сеньора Никола. Они оказались у меня в кармане, когда я был врачом. Привычка, знаете! Пока.

Выходит.

Сцена десятая

Леонида кладет часы в карман. На мновение остается неподвижным. Затем проводит рукой по лицу, как будто очень устал. Начинает снимать с себя пиджак, пристежной воротничок.

Леонида. Матильда, сходи, пожалуйста, за моим костюмом.
Поднимается в комнату наверху.

Валерия. Уходишь?

Леонида. Да. Иду. На прием по случаю закрытия Международного конгресса виноделов.

Валерия. Может, поговорим о Фьорелле?

Леонида (*достаёт из кармана большую пачку банкнот, протягивает ее Валерии.*) Вот. Это приданное. Спрячь подальше и не трогай. Отдашь в день свадьбы.

Валерия (*поражена*). Гм?! Откуда эти деньги?

Машинально их принимает.

Леонида. Эта скотина Антонио сказал правду. Алессандро выпустил не он, а я. А за свою свободу почтенный дворецкий выложил мне пятьсот тысяч лир.

Валерия (*показывает пачку денег*). Но... так это то... что дал ему за махинации подлец Раймондо?

Леонида. Несомненно.

Валерия. Так... эти деньги принадлежат сеньору Николе.

Леонида. Эти деньги принадлежат сеньору Николе. Но волею судьбы он сможет вновь обрести их, если станет мужем Фьореллы.

Валерия. Значит они могут пожениться?

Леонида. Ну да. Он же просил ее руки.

Валерия. А ты отказал?

Леонида. Потому что у меня есть гордость. Отказ ни к чему не обязывает.

Валерия прячет деньги в ящик, закрывает его на ключ.

Валерия. Зачем тебе идти сегодня, когда ты можешь впервые остаться дома и не прятаться.

Леонида. Сегодня обычный рабочий день.

Валерия. А можно поинтересоваться, когда ты вернешься?

Леонида. Поздно. Очень поздно. Делай что хочешь. Если тебя не будет дома, когда я вернусь, это ничего не изменит.

Валерия. Ты что?

Леонида. Судя по тому, что мне известно, нам незачем оставаться вместе.

Валерия. А что тебе известно?

Леонида. Что ты меня больше не любишь. Вот и все. Не знаю, обманывала ты меня или нет. Не хочется в этом копаться. Да это и не имеет значения.

Когда Леонида произносит последнюю фразу, из комнаты наверху выходит Матильда. Она спускается и несет Леониде костюм.

Матильда. Твой костюм, Леонида. Как могла, отчистила. Умоляю, не бери больше персикового сиропа. Пятно от него просто невозможно вывести,... сколько не пыталась... что ты нам сегодня принесешь? Я не прочь пропустить стаканчик... после всех этих переживаний! *(Помогает Леониде надеть пиджак.)* Вот.

Леонида. Спасибо.

Матильда *(смотрит на Валерию и Леониду)*. Так... что это с вами?

Леонида. Принеси-ка шляпу и трость!

Матильда. Ты что, на похороны собрался.

Леонида. Да.

Матильда *(направляется к левой двери)*. В таком случае, покойника оставь на месте. С меня довольно.

Валерия. Итак?

Леонида. Итак, я просто говорю тебе: будет лучше, если отныне каждый из нас пойдет своей дорогой: ты – своей, а я своей.

Валерия. А ты когда-нибудь пробовал идти моей дорогой? Ты ведь ее даже не знаешь. Да никогда и не знал...

Леонида. Вполне возможно. Но я – любил тебя. А это что-то значит.

Валерия. Вот это новость. Любил, но тщательно это скрывал. Ты всегда делал что хотел. А я всегда была в стороне от твоей жизни. Ты всегда оставлял меня одну в этой конуре, которая даже не принадлежит мне, поскольку я – не твоя жена.

Пауза. Матильда возвращается из левой двери, приносит Леониде перчатки и трость.

Матильда. Вот. В указательном пальце правой перчатки застряло немного сахарной пудры. Надеюсь, мне удалось выбрать все.

Она трясет перчаткой, которая вывернута наружу.

Леонида *(натягивает перчатки)*. Ты, кажется, родилась в Палермо? Надо написать в мэрию, чтобы прислали твое свидетельство о рождении.

Валерия. Зачем?

Леонида. Чтобы объявить о свадьбе.

Валерия. Хочешь сделать мне предложение?

Леонида. Да.

Матильда *(протягивает ему правую перчатку)*. Что?

С удивлением смотрит на них. Леонида медленно натягивает перчатку.

Леонида. Я хочу жениться на тебе *(Пауза.)* У Фьореллы документы должны быть в порядке.

Пауза, в течение которой Леонида заканчивает надевать правую перчатку.

Валерия. Значит, сегодня вечером... ты даже не хочешь сказать мне, когда вернешься?

Леонида смотрит на нее, молчит, затем:

Леонида. Португальские ордена!

Матильда. О! Вот это да! На этот раз получилось даже лучше, чем в театре!

Валерия (*возвращается с орденами, прикрепляет их Леониде на пиджак*). Я жду тебя, Леонида. Даже если ты придешь очень поздно...

Леонида. Да! Еще портупею...

В то время, как Валерия отходит от него, он достает портупею из кармана, пристегивает ее к ремню, поправляет на спине, расправляет под басками.

Леонида (*поправляя костюм*). Ждать от этого приема особенно нечего... Самое большое – на килограмм.

Валерия. Так ты вернешься не очень поздно?

Леонида. Не очень... (*Берет шляпу, направляется к двери.*) До свиданья. (*Делает два-три шага, останавливается, оборачивается.*) Послушай, Валерия, что касается свадьбы, ты уж не говори об этом соседям. И ты тоже, Матильда. Церемония состоится в интимном семейном кругу. Я не хочу, чтобы на свадьбе Леониды Папагатто оказался случайный гость.

Выходит.

Занавес.